

Лена Укитидзе

*Пьесы для
театра*

Лена Ичкитидзе

Пьесы для театра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941855

ISBN 9785449345233

Аннотация

В книге содержатся пять различных пьес для чтения или сценарной постановки: «Жертва» – современная психологическая драма, «Спасибо графине» – легкая в восприятии комедия и три философские пьесы: «Олицетворение», «Зачем нам Фрейд?», «Одноклассники в RU».

Содержание

ЖЕРТВА	5
ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ (все персонажи в ней реальны, хоть их имена и поступки вымышлены)	5
Действующие лица	6
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	7
Картина первая	7
Картина вторая	11
Картина третья	31
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	44
Картина первая	44
Картина вторая	49
Картина третья	60
СПАСИБО ГРАФИНЕ	70
Пьеса в двух действиях (все персонажи в ней реальны, хоть их имена и поступки вымышлены)	70
Действующие лица	71
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	72
Картина первая	72
Картина вторая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Пьесы для театра

Лена Ичкитидзе

© Лена Ичкитидзе, 2018

ISBN 978-5-4493-4523-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖЕРТВА

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ (все персонажи в ней реальны, хоть их имена и поступки вымышлены)

Действующие лица

Люська, она же Людмила Михайловна, мать, ухоженная, внешне очень приятная особа с изысканными манерами

Андрей, ее сын, муж Татьяны

Татьяна, ее невестка, жена Андрея

Артем, сын Татьяны и Андрея, внук Люськи

Рита, обычная женщина, портниха

Оля, дочь Риты, всегда с измученным и недовольным видом, бледная, движения замедленные, реакция резкая и нервная

Медсестра в больнице

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Хорошо обставленная комната в современной квартире. Входит Татьяна, одетая в верхнюю одежду, со скрипичным футляром и дорожной сумкой. Видно, что она с дороги. Устало раздевается, садится. Появляется Артем, мальчик лет 15.

АРТЕМ: Мамуля! Приехала!! *(подбегает к ней, обнимает, целует)*. Как ты?

ТАНЯ: Привет, сынок. *(улыбается)*. Все отлично, устали только очень. Практически не отдохали. Как вы тут? Что нового?

АРТЕМ: Мам, все хорошо. Ничего нового, сдал экзамен на синий пояс. Это уже второй кю! *(показывает несколько движений айки-до)*. Ну, это я тебе говорил по телефону. В школе все ОК, тебе привет от физички, она говорит, что мне обязательно надо в МИФИ поступать, иначе практическая физика лишится еще одного гения, а это непоправимо.

ТАНЯ: Тогда лишится гения другая область

АРТЕМ: Какая, например?

ТАНЯ: Любая. Гениальный человек гениален во всем. А проявляет он свои способности наилучшим образом в том,

что делает с наибольшей любовью. Верно?

АРТЕМ: Ну да, наверное. Я, впрочем, тебе доверю не задумываясь.

ТАНЯ: Ладно, у нас есть что-нибудь пожевать? Может, покормишь мамочку с дороги, а то во мне только самолетная курица и немыслимое количество кофе. Давай, давай, сваргань что-нибудь по-быстрому.

АРТЕМ: Мамулечка, ну сама что-нибудь, а? Мне сейчас еще на тренировку бежать. Да и к бабушке обещал в больницу заскочить, она просила ей привезти лак для волос.

ТАНЯ: Да? Ну и как там Люська себя чувствует? Скоро выпишут?

АРТЕМ: Наверное, завтра. Папа ее должен встретить.

ТАНЯ (*с иронией*): Отлично! Не могла еще недельку полежать? А у меня, как назло, завтра выходной. Интересно, зачем ей тогда лак для волос, если она домой собралась.

АРТЕМ: Ну ты что, не знаешь бабушку? И как она говорит? (*пародируя*): «Я должна идеально выглядеть даже при поездке на дачу. А вдруг машину гаишники остановят!».

ТАНЯ: Что-то быстро она на этот раз отдохнула. Я-то думала, у меня еще несколько свободных суток в запасе.

АРТЕМ: (*улыбается*): Ну, мам...

ТАНЯ: Да ладно, ладно. (*После паузы*): Без Люськи мне все-таки спокойнее.

АРТЕМ: Я знаю... Ну что? Я тогда побежал? Мамуль, ты отдыхай, ну поешь там чего-нибудь. Правда в холодильнике

только остатки слипшихся макарон, которые отец попытался сварить еще неделю назад, и сыр. Зато твой любимый – камамбер!

ТАНЯ (*улыбаясь*): Как вы тут без меня живете, ужас! Ладно, беги! Разберемся с вашими макаронами.

Артем уходит.

Татьяна не спеша ходит по комнате, любовно дотрагивается до вещей, берет паспорт, стоящее на полочке, и некоторое время нежно разглядывает фото.

Вбегает радостный Андрей, ее муж, на ходу срывая с себя шарф.

АНДРЕЙ: Приехала, моя красавица! Ну? наконец-то! (целует, обнимает). Почему не захотела, чтоб я встретил?

ТАНЯ: Да зачем это? Тебе с работы удирать, а меня Андрошкин подвез.

АНДРЕЙ: Опять Андрошкин? Я, знаешь ли, твоему трубачу скоро голову откручу.

ТАНЯ (*с улыбкой*): Он не трубач, он тромбонист.

АНДРЕЙ (*пытаясь подобрать рифму*): Так, по-твоему, я? ... э-э э... тромбонисту и не сделаю... ни... чего? Да и хрен с ним. То, что он в тебя влюблен, – это совершенно естественно.

ТАНЯ: Да не влюблен он! У него полный комплект: жена, бывшая жена и любовница. Когда тут влюбляться еще в посторонних женщин?

АНДРЕЙ (*нежно, глядя ее волосы*): Да? А мне кажется

не влюбиться в тебя это противоестественно. Или это я противоестественен?

ТАНЯ: Конечно! Ты вообще совершенно неординарный, единственный в своем мужском роде, совершенно потрясающий человек (*прижимается к нему*).

АНДРЕЙ: Ладно, рассказывай. Как прошло?

ТАНЯ: Все нормально, как всегда. На одном из концертов присутствовала семья венского мэра в полном составе. Как всегда, купила всем подарки, вот отдохну, начну распаковывать, ну а себе – новый скрипичный футляр. На таможне, когда прилетели уже, все инструменты наши мужички сложили вместе и везли одной кучей на тележке, ну и мою скрипку в старом футляре тоже, а я с футляром, набитым подарками, пошла по зеленому коридору. Так меня остановили, попросили открыть и предъявить скрипку. А скрипки-то нет! Короче, таможенники решили, что я скрипку из Госколлекции в Вене на сувенирчики променяла. Когда разобрались, так смеялись все.

АНДРЕЙ: Вечно ты куда-нибудь попадаешь. Как умудряешься только, ума не приложу!

ТАНЯ: Это точно. Когда еще регистрировались на посадку в аэропорту меня регистраторша на немецком спросила: «Где предпочитаете сидеть, – у окна или у прохода?». Так я, знаешь, что ей ответила?

АНДРЕЙ (*с улыбкой*): И что же?

ТАНЯ: Слова на немецком egal и uberall перепутала, пред-

ставляешь?. Так я, вся задумчивая такая, вместо: «мне все равно» по-немецки ей и отвечаю: «мне повсюду».

АНДРЕЙ (*смеется*): Молодец! Получила «места повсюду»?

ТАНЯ: Получила такой взгляд, что решила – в регистрации мне сейчас будет отказано. ... Ладно, Люська завтра выписывается?

АНДРЕЙ (*сразу помрачнев*): Ну да, надо ее забрать.

ТАНЯ: Во сколько?

АНДРЕЙ: Днем, как всегда, часа в два.

ТАНЯ: А я думала, буду спать сутки. У меня завтра один выходной, а в четверг я опять улетаю.

АНДРЕЙ: Теперь в Цюрих?

ТАНЯ: Ну да, на три дня.

АНДРЕЙ: Ну что ж делать. Лети, моя птичка, лети. Мы уж тут как-нибудь без тебя. Привыкли уже, что нормальное состояние, это когда тебя нет дома.

ТАНЯ (*шутливо-иронично*): Зато при мне в семье сразу ненормальное состояние, да?

АНДРЕЙ: Конечно! При тебе и с тобой не может быть просто нормально. С тобой – по-тря-са-ю-ще!

Картина вторая

Больница. Отлично оборудованная светлая палата на одного человека с телевизором, холодильником, микровол-

новой, в вазочках живые цветы. Чисто и уютно. Входит медсестра, поправляет кровать, взбивает подушки, сдувает невидимую пыль. Находит на тумбочке непринятые вовремя таблетки.

СЕСТРА (*недовольно качая головой, кричит в коридор*). Людмила Михайловна! Людмила Михайловна! Вы опять не выпили витамины!

ЛЮСЬКА (*из-за сцены*): Я знаю, милочка!

СЕСТРА: Это неправильно. Меня отругают. Завотделением каждый раз интересуется вашим состоянием. Что я буду ему говорить?

Появляется Люська, очень эффектная и ухоженная дама с манерами.

ЛЮСЬКА: Да не кричите вы так, любезная! Валите все на меня. Если Евгений Эдуардович вознамерится вас ругать, я непременно вмешаюсь.

СЕСТРА: Все равно, это не порядок. У вас курс лечения.

ЛЮСЬКА: Да плевать я хотела на ваш курс, вы же видите, что я, слава Богу, абсолютно здорова.

СЕСТРА: Не понимаю. Во-первых, абсолютно здоровых людей не бывает, а, во-вторых, даже если такое допустить, то надо принимать витамины в профилактических целях. И почему тогда в истории болезни написано, что вы здесь лежите каждые полгода?

ЛЮСЬКА: Ах, дорогая, вы ведь совсем недавно работаете. Вы просто не знаете моей ситуации. Я здесь отдыхаю.

СЕСТРА: От чего? Вы же пенсионерка!

ЛЮСЬКА (*смерив ее суровым взглядом в ответ на «пенсионерку»*): Не от чего, а от кого. Если бы я работала, это был бы отдых. А так я всю жизнь провела дома, посвятила себя семье, заботе о муже, воспитывала сына. Отдых для меня теперь только здесь. В больнице я чувствую себя спокойно, уверенно. Тут уже забочусь не я, а обо мне. Находиться дома для меня – это тяжкий крест. Дело в том, что я – жертва.

СЕСТРА: Жертва? Вам кто-то угрожает?

ЛЮСЬКА: Милочка, вы совершенно приземленно рассуждаете о человеческих отношениях. А ведь они не поддаются обычным линейным законам математики. Я жертва своей доброты, и еще – собственных несбывшихся надежд. Моя судьба ранит меня с каждым часом и, самое главное, я не могу ей противостоять. Вам это интересно?

СЕСТРА: Конечно! Вы расскажете?

ЛЮСЬКА: Да, собственно, и рассказывать-то, по большому счету, нечего. Моя жизнь не отличается ничем примечательным, что могло бы интересовать нынешнюю посредственную молодежь. Я не участвовала в перестрелках и финансовых махинациях, не меняла любовников... (*запнувшись*) ... ну, во всяком случае, так часто, как могла бы, или как это принято у вас, в нынешнее время. Но это отдельная история. Вот завтра мне ехать домой, и эта мысль портит мне настроение.

СЕСТРА: Не могу поверить! Неужели, находясь в больни-

це, вы не мечтаете вернуться к себе?

ЛЮСЬКА: Не мечтаю! Я, напротив, мечтаю пусть даже на время вырваться из своего душного быта, или хотя бы очистить в нем воздух. Но... К сожалению, это невозможно.

Их разговор прерывает стук в дверь палаты. Заглядывает Рита.

РИТА: Людочка, к вам можно?

Входит Рита, пациент этой же больницы из соседнего отделения.

ЛЮСЬКА: Да, Рита, прошу, мы тут беседуем с персоналом по поводу неоспоримой многофункциональности их заведения.

СЕСТРА: Людмила Михайловна, я тогда попозже зайду? Или вы меня кнопкой вызова известите.

ЛЮСЬКА: Хорошо, душечка, отдохните пока. А я обязательно позову, Вы же знаете, что я совсем не выношу одиночества.

Медсестра уходит.

РИТА: Да разве вы бываете одна, Люся? Вас все время кто-то посещает, то сын, то внук приедут, вон заведующий заходит, интересуется, персонал заботится, не вылезают от вас. У нас в общей палате не дозовешься никого. Вот одна у нас, эта, рыжая с крашеными бровями, пролила на пол сладкий чай, так он когда подсох, оставил липкое пятно. Уже второй день ходим и прилипаем к полу. *(Вслед ушедшей сестре, гораздо громче, чем раньше):* А ведь проси-

ли протереть пол влажной тряпкой, только им все некогда!

ЛЮСЬКА (*со скрытым самодовольством*): Ну что вы хотите от бесплатной медицины! Это же всеобщее народное бедствие. Я, например, давно от нее отказалась. Вот здесь, да за такие деньжищи, которые платит за меня сын, тоже ничего вроде бы особенного и нет. Максимум, на что они готовы, так это поставить этот ящик (*кивает в сторону телевизора*) и, как это они мне сказали, выход в интернет. А зачем мне интернет, если я не умею им пользоваться, и зачем мне ящик, если мне нельзя с ним поговорить. Только если пожелать спокойной ночи Филе и Степашке.

РИТА: Вы совершенно правы, это беспредел. Такое вымогательство денег! И, действительно, за что? Но с теми условиями, в которых находимся мы, все-таки не сравнивайте. Вам повезло, что сынок так о вас заботится. Он приедет за вами?

ЛЮСЬКА: Конечно! Он очень внимательный, заботливый и любящий сын.

РИТА: Да, да, я заметила это; он очень нежно к вам относится.

ЛЮСЬКА: Ну, это неудивительно. Я всю свою молодость положила на его воспитание. Муж и ребенок – это все, на что я потратила свои лучшие годы. Когда скончался супруг, сын был уже женат, но, тем не менее, я нашла время и силы, чтобы перенести свою заботу и освободившееся время на его семью.

РИТА: Да, да, вы говорили.

ЛЮСЬКА (*продолжает, не реагируя на замечание Риты*): И что в результате? Я совершенно чужая в собственном доме. Я как будто никому не нужна. Я настояла на том, чтобы они жили у меня, чтобы я могла воспитывать внука, следить за хозяйством... Я даже встречала Темочку из садика, когда им было некогда!!! Впрочем, им всегда некогда, особенно ЭТОЙ. (*С иронией*): Вот уж поистине деловая особа. Якобы она везде востребована! Можно подумать! То у нее репетиции, то концерты, то гастролы! И ведь, поверьте мне, ну совершенно никакого таланта! Я не сомневаюсь, что она просто спит с дирижером... Ну или еще с кем-нибудь, с кем там надо спать, чтобы тебя возили с оркестром.

РИТА (*понимающе кивает*): Да, да, вы говорили...

ЛЮСЬКА (*продолжает, не обращая внимания на собеседницу*): И такое воздействие на Андрея! Он находится полностью под ее влиянием. Он считает ее гениальной, красивой, мудрой, вы представляете? А ведь она ну абсолютно серая мышка, я бы сказала гадкий утенок, так и законсервировавшийся в своем недоразвитии.

РИТА (*задумчиво*): Но, может быть, это любовь?

ЛЮСЬКА (*возмущенно*): Помилуйте! Какая еще любовь?! Что там можно любить вообще?! (*мимикой и жестами изображает невестку, корчит рожу, вытягивает нос и проч.*). Это же уродец, причем как физический, так и моральный! Крошка Цахес в юбке!

РИТА: Кто, простите?

ЛЮСЬКА (*впервые полностью повернувшись к Рите*): Как? Странно, что вы не в курсе. У Гофмана, – он к вашему сведению, написал сказку «Щелкунчик и Мышиный король», о ней-то вы слышали, я надеюсь? – есть замечательное произведение «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер». Там описывается забавная ситуация, когда все некрасивые и бесстыдные поступки этого злого уродца воспринимаются обществом с восхищением, восторгом и одобрением. Если бы не разница в сто лет, я бы безусловно считала, что автор использовал ЕЕ в качестве прототипа.

РИТА (*понимающе*): Ах, вот как!

ЛЮСЬКА: Это просто какое-то наваждение! Ну вот послушайте: готовить она не умеет, стирать не успевает, ребенок беспризорный и одинокий вечно скучающий по ней муж! Это, по-вашему, может быть счастливой семьей? Если бы не я, он давно бы от нее сбежал, такую жену невозможно терпеть! Единственное, что пока еще спасает их брак, это мои терпение и такт, а также ее вечное отсутствие дома. За последние полгода она провела с нами в общей сложности месяц. Месяц! Вы представляете, что это такое? И это при том, что она еще ходит на работу. На репетиции! Ну я-то догадываюсь что это за репетиции, а вот Андрей абсолютно слеп.

Рита во время ее последней реплики то понимающе кивает, то с неудовольствием покачивает головой.

ЛЮСЬКА: Вы не поверите, он верит всему, что она говорит. Он смотрит ей в рот, он приносит ей кофе, поскольку она якобы устала или не выспалась. Чтобы выспаться надо, как мне представляется, больше спать ночами, а не шляться по концертам и не пиликать на этой своей пиликалке. (*Многозначительно*): Впрочем, я уверена, что она использует совсем иной инструмент для продвижения по службе.

РИТА: Я понимаю вас, как это должно быть нелегко – наблюдать все это со стороны и не иметь возможности повлиять на ситуацию. Вы не пытались говорить с сыном?

ЛЮСЬКА: Да он и слышать ничего не хочет! (*Спохватившись*): Впрочем, я открыто и не разговаривала с ним на эту тему. Это же его выбор и он не советовался со мной, когда принимал решение о женитьбе. Несколько раз я, правда, пыталась прозрачно намекнуть ему на то, что пора задуматься о своей жизни... Один раз я случайно долго стояла у окна и все-таки дождалась, наконец, когда она появилась на шикарной черной машине с несколькими огромными букетами цветов. Я тут же позвала сына посмотреть. Конечно, прямо я говорить ничего не стала, пусть сам делает выводы, но совершенно нейтрально заметила: «Взгляни сам хоть разок, как наше общественное достояние возвращается из-под работы».

РИТА: И что?

ЛЮСЬКА: Что «что?»? Он так на меня посмотрел, будто он – это инквизиция, а я – Галилей.

РИТА: Да, человек слышит и видит лишь то, к чему готов в данный момент. Но придет время, и слова Галилея «и, все-таки, она вертится!» станут известны всему миру.

ЛЮСЬКА (*мгновенно переключаясь, поучительно*): Ритуля, Галилей никогда не произносил эту фразу.

РИТА: Ну как же! Все говорят, что на суде инквизиции он покаялся, а когда пришел домой, то произнес исторические слова (*с выражением*): «И, все-таки, она вертится!».

ЛЮСЬКА: Боже мой, слышал бы вас сейчас мой покойный супруг! Он был очень известным и преуспевающим адвокатом, и факты, которые его клиенты пытались подтвердить словами «все говорят», «всем известно», или «у нас всегда так делают», приводили его в бешенство! Все и всегда, – это значит никто и никогда. Должен быть конкретный документ, являющийся первоисточником. Что касается Галилея, то эта фраза впервые родилась в качестве анекдота через полвека после его смерти. Всеобщее заблуждение приписало эти слова ему. А в самой фигуре Галилея, в общем-то, не было ничего героического. Он прямо соглашался с требованиями инквизиции, и даже сотрудничал с ней.

РИТА: Неужели? Впрочем, вы такая интеллектуалка, конечно, вы правы.

ЛЮСЬКА: Даже не сомневайтесь! Я прочитала столько, сколько вам и не снилось. Ах, извините! Не хочу вас обидеть, видимо, у вас просто не было времени этим заниматься, ведь вы, если не ошибаюсь, всю жизнь проработали?

РИТА: Да, портнихой. Так я и сейчас еще работаю на швейном производстве, а кроме этого, подрабатываю дома.

ЛЮСЬКА (*заинтересованно*): Да что вы! Как интересно! И шьете на заказ?

РИТА: Обязательно!

ЛЮСЬКА: Потрясающе! У меня дома столько материала! Бархат, парча... И, кроме того, мне многое надо перешить. Ах, Боже мой, как мне повезло! Вы непременно меня навестите теперь. Моя постоянная портниха совсем перестала видеть и теперь не берет клиентов. Уже второй год как я дошиваю одно старье! А что сейчас в магазинах? Вы видели, что сейчас продается? Ой, вы безумно меня порадовали. Теперь, конечно же, я обязательно оставлю вам свой адрес и телефон. Вы просто обязаны меня навестить!

РИТА: Но... с моими больными ногами...

ЛЮСЬКА: Никаких «но»! Вам не придется ездить. Я пришлю за вами такси. Господи, я покажу вам такие платья! (*Критически оглядывая ее*): у меня даже есть парочка на вас! Настоящие платья, а не этот ширпотреб! Они, хоть и не новы, но никогда не выходят из моды. Кое – что мне сшили, а кое – что муж привозил мне из командировок! (*Гордо*): и это в то время, когда еще никто никуда не выезжал! Да-да! Это не случайная встреча, я давно ищу портниху!

РИТА (*восхищенно глядя на нее*): Вы такая ухоженная, модная. Мы что-нибудь сделаем вместе. Если, конечно,

на такси...

ЛЮСЬКА: Естественно! Знаю по мужу, сколько работа отнимает времени. Мой супруг вечно пропадал на ней, но зато мы никогда не нуждались!

Стук в дверь. Входит Артем.

АРТЕМ: Ба, к тебе можно? (*увидев Риту*): Здравствуйте!

ЛЮСЬКА: Милый мой, ну конечно! Ты привез лак? Заходи, заходи. Очень рада тебя видеть. Вы ведь уже знакомы с Ритой?

АРТЕМ: Ну конечно! И ты каждый раз меня об этом спрашиваешь.

ЛЮСЬКА: Не хочу оказаться в неловкой ситуации, если вдруг вопреки этикету забуду представить друг другу незнакомых людей.

РИТА: Я пойду?

ЛЮСЬКА: Нет, дорогая, вы нам совершенно не мешаете. Да и Темочка никогда долго не задерживается у меня. К сожалению. Хотя я понимаю: учеба, тренировки. И какой интерес ему сидеть с нами, с поколением, оборачивающимся назад? Я продвинутая женщина, и прекрасно понимаю, что, как не мечтай, а приходит время подвинуться. Где мой лак?

АРТЕМ (*достает и передает ей лак для волос*): Держи. Ты больше ничего не просила.

ЛЮСЬКА: Ну я же не буду тебя затруднять. Спасибо, родной. Что нового?

АРТЕМ: Мама вернулась. Говорит, отлично выступили.

Привезла тебе твой любимый ликер и кофе. Завтра отметишь свою выписку. *(С улыбкой)*: Выписку из истории болезни.

ЛЮСЬКА *(обращаясь к Рите)*: Ну что я говорила? *(Артему)*: Было когда-нибудь, чтобы она провалилась?

АРТЕМ *(недовольно)*: Ба, ну они же замечательно играют!

ЛЮСЬКА: Ах, брось, ты такой же зачарованный, как и твой отец.

АРТЕМ: Ладно. Я тогда побежал?

ЛЮСЬКА: Конечно, завтра увидимся. Передай папе, чтоб не опаздывал.

АРТЕМ: Ага! Да он тебе еще десять раз позвонит. *(Уходит)*.

РИТА *(восхищенно)*: Какой воспитанный и приятный подросток.

ЛЮСЬКА: Я старалась дать ему хорошее воспитание. Как и сыну, впрочем. Все, что есть в них хорошего, стоило мне долгого и упорного труда.

РИТА: Так ведь и я знаю, как трудно растить детей. Тем более одной.

ЛЮСЬКА: У вас изумительная дочь! Такая набожная, вся какая-то неземная. А какая хозяйственная!!! Меня умиляет, как она ухаживает за вами. И ведь каждый день утром и вечером пытается вас порадовать.

РИТА *(умиленно)*: Вчера паровые котлетки принесла, сегодня утром специально выжимала апельсиновый сок. Она

очень добрая. И ведь я ее ни о чем не прошу. Все сама, абсолютно сама.

ЛЮСЬКА: Бывают же такие девушки!

РИТА (*продолжает*): Она прекрасно шьет.

ЛЮСЬКА (*с интересом*): Да?

РИТА (*продолжает*): Вяжет.

ЛЮСЬКА (*восхищенно и с удивлением*): Кто в наше время вяжет?!

РИТА (*продолжает*): И крючком, и спицами. Она, между прочим, у меня закончила экономический факультет.

ЛЮСЬКА: Так она у вас еще и образованная?

РИТА: Обязательно! Я считаю, что высшее образование просто необходимо. Не важно, работает человек по специальности, или нет, но корочка должна быть. А для женщины главное – это удачно выйти замуж. Пусть муж трудится. А она должна хранить семейный очаг.

ЛЮСЬКА: Вы правы.

РИТА: Вот поэтому я и готовила ее больше к семейной жизни, но вот не сложилось, увы.

ЛЮСЬКА: Какие ее годы! Сколько ей?

РИТА: Осенью будет сорок.

ЛЮСЬКА: Как и моему сыну сейчас. Такая нежная, тихая, скромная. Сколько раз я ее видела и всегда восхищалась ее какой-то неземной бледностью. Она к вам ни разу не приходила накрашенной. Не то, что наша фифа! Очень скромно и корректно держится с персоналом. Мне она симпатична.

РИТА (*смущенно улыбаясь*): Спасибо.

ЛЮСЬКА: Почему же она не выходит замуж? Она же очень приятная девушка! Неужели за ней никто не ухаживал?

РИТА: Нет, почему же... Это очень трагичная история. Она любила одного человека...

ЛЮСЬКА: Боже, как интересно! Расскажите!

РИТА: Не знаю, смогу ли я. Олечка не позволяет мне говорить об этом. Прошло больше шести лет, но она так трепетно относится к этим чувствам...

ЛЮСЬКА (*беря ее за руку и заглядывая в лицо*): Пожалуйста! Это так интересно!

РИТА: Ну, хорошо. Вы знаете артиста Бориса Генрихова?

ЛЮСЬКА: Бориса Генрихова?! Конечно! Я видела его в кино, кажется, «Плачущий троллейбус», он там играл главную роль и еще в сериале «Следствие ведут знатоки». Так это он? Весьма импозантный мужчина. Но... кажется, он уже умер?

РИТА: Именно. А видели вы его игру в театре?

ЛЮСЬКА: Нет, к сожалению.

РИТА: Напрасно. В театре он еще более очарователен. Так вот Олечка была влюблена в него.

ЛЮСЬКА: Что вы говорите!

РИТА: Да, да. (*Воодушевляясь все больше и больше*): Она ходила на все его спектакли, и, представьте себе, в результате, они познакомились. Каждый раз она дарила ему цветы,

поднималась на сцену. Однажды он пригласил ее на прогон, ну это спектакль до премьеры, на который приглашают только своих. Мы пошли вместе, сидели в первом ряду. Как он на нее смотрел, вы не представляете, как он на нее смотрел. Он играл роль, а смотрел все время только на мою Олечку. Конечно, и она глаз с него не сводила. Вы верите, я даже не вникла в сюжет пьесы. Я следила только за ними. Это была любовь, такая любовь! После прогона она подошла к нему и оставила свой номер телефона. И он взял!

ЛЮСЬКА (*разочарованная историей, в которую мало поверила*): Взял, да?

РИТА (*не замечая ее реакции*): Да! Да! Взял ее телефон!

ЛЮСЬКА: И что, начал названивать?

РИТА (*сокрушенно*): Нет, к сожалению. Через полгода мы узнали, что он умер...

ЛЮСЬКА: Ага, умер после прогона спектакля... От любви к вашей дочери? А вы узнали только через полгода?

РИТА (*не замечая сарказма*): Нет, мы узнали случайно, из газет. Олечка собирала о нем все материалы, которые выходили в печати.

ЛЮСЬКА: И что?

РИТА (*вытирая набежавшую слезу*): Олечка так страдала! Это было невыносимо, – видеть, как она убивается. Она до сих пор не может его забыть.

ЛЮСЬКА: Генрихова?

РИТА: Ну да! Она постоянно ходит к нему на кладбище.

Он похоронен на Немецком кладбище, ухаживает за могилой; хранит дома его фотографии и иногда перебирает их. *(Всхлипывая)*: Я не могу наблюдать за ней, это так трагично!

ЛЮСЬКА *(смотрит на нее внимательно)*: То есть у них ничего не было?

РИТА *(не понимая)*: Как это «не было»? Я же вам только что рассказала!

ЛЮСЬКА: Нет, я имею в виду отношения: свидания, письма, секс, в конце концов!

РИТА: Вы что?! Какой секс? Моя дочь – девственница!

ЛЮСЬКА: Так ей же сорок лет...

РИТА: Я же вам говорю, она всю жизнь любила одного человека. И этот человек – Генрихов!

ЛЮСЬКА: Да уж, история...

РИТА: Ну, знаете ли! Вы, видимо, ожидали какой-то похабщины. Но я говорила о высоких чувствах, о любви! Только моя дочь может так беззаветно и преданно любить!

ЛЮСЬКА: Ну, успокойтесь, моя дорогая. Все, что я услышала, меня очень тронуло. Но ведь прошло столько времени, не пора ли уже ей успокоиться и, например, оглядеться по сторонам? Нельзя носить пожизненный траур по несбывшимся надеждам.

РИТА *(успокоившись, но вытирая оставшиеся слезы)*: Я тоже ей говорю. Только... Знали бы вы, как нежна ее душа, и какое ранимое у нее сердце!

ЛЮСЬКА: Верю, верю. Я же ее видела.

РИТА: Ходить на кладбище... столько лет... перебирать фото... Да что я говорю, она ведь плачет по ночам!

ЛЮСЬКА: Неужели?

РИТА (*снова пытаюсь заплакать*): Я уже не знаю что делать. Я покупала ей путевки на море, я пыталась отправить ее к психотерапевту, только она отказалась наотрез.

ЛЮСЬКА: От моря?

РИТА: Нет, от психотерапевта.

ЛЮСЬКА: Да... Я даже не знаю, что сказать на это...

РИТА: Только прошу вас, Людмила, ради Бога, не подавайте виду, что вы в курсе ее истории. Она очень болезненно воспринимает то, что я рассказываю о ней посторонним людям.

ЛЮСЬКА (*миролюбиво*): Ну не такие уж мы с вами посторонние теперь... Хотя, конечно, я буду делать вид, что совершенно не в курсе.

Стук в дверь. Заглядывает медсестра и говорит, обращаясь к кому-то за сценой.

СЕСТРА: Ваша мама здесь.

Появляется Оля с большой сумкой и выражением мировой скорби на лице.

ОЛЯ: Здравствуйте!

РИТА (*оживляясь, вскакивая*): Доченька моя!

ЛЮСЬКА: Здравствуйте!

ОЛЯ (*Люське*): Как вы себя чувствуете?

ЛЮСЬКА: Спасибо, милая. Все хорошо.

ОЛЯ (*с ужасом*): Мама! Где твои теплые носки?! Почему ты не оделась?! Я сейчас же принесу!

РИТА: Не надо, здесь тепло.

ОЛЯ (*нервно*): Мама! Прошу тебя! Я не вынесу еще одной трагедии в своей жизни. Я сейчас схожу в твою палату и принесу теплые носки. А ты их обязательно наденешь.

РИТА (*любяясь дочерью, нежно*): Ну, хорошо, хорошо, как скажешь.

ОЛЯ: Я принесла свежие фрукты и еще сделала шарлотку. (*Люське*): Угоститесь, пожалуйста

ЛЮСЬКА: Так это же для мамы.

ОЛЯ: Это ничего, я завтра сделаю снова. Что-нибудь свеженькое. (*Оставляет им сумку и уходит*).

РИТА (*залезая в Ольгину сумку и роясь в ней*): Вот, пожалуйста! (*Достает пирог и фотографию Генрихова и показывает ее Люське*): Все время носит с собой. Она не расстается с ним ни на минуту.

ЛЮСЬКА: Какая внимательная и заботливая девочка!

РИТА: Да, очень, очень внимательная! Она не позволяет мне переохладиться, так следит за моим здоровьем, что мне иногда становится неловко.

ЛЮСЬКА: Да я вам просто завидую! Это же клад, а не ребенок! Такое отношения к матери, какое я вижу сейчас к вам, Рита, встречается достаточно редко.

РИТА (*польщенно, полушепотом*): Олечка моя единственная радость. Я готова сделать для нее, моей бедняжки, все,

что только смогу. Только что я могу?

ЛЮСЬКА (*обнимая ее*): Ах, моя дорогая, вы – счастливая женщина! Такая дочь! Чем я могу помочь?

РИТА: К несчастью, ничем. Мертвых не воскресить. Любось не возродить.

ЛЮСЬКА: С мертвыми, действительно, вести переговоры бесполезно. Но если найти живых? Я, пожалуй, выступлю в роли свахи. Вы пытались ее с кем-нибудь познакомить?

РИТА: С кем? Я же ни с кем не общаюсь! Она, впрочем, тоже.

ЛЮСЬКА (*весело*): Для начала мы завтра познакомим ее с моим сыном. Пусть просто пообщается с мужчиной и поймет, что жизнь продолжается.

РИТА: Ой, что вы, Люся!

ЛЮСЬКА: А что? Мне самой понравилась эта идея. Он тактичен, внимателен. (*Меняя тон*): К тому же душевно одинок и несчастен в браке. Пусть они хотя бы просто пообщаются.

РИТА: Да, но он же женат!

ЛЮСЬКА: Отсутствие жены в доме нельзя назвать ее присутствием. Вы меня понимаете?

Рита непонимающе смотрит, до нее явно не дошло. Входит Оля.

ОЛЯ: Мама, вот твои носки. Заодно я захватила мазь. Давай я разотру тебе ноги.

ЛЮСЬКА (*мечтательно*): Как бы я хотела иметь такую

невестку!

Рита пытается незаметно спрятать вынутую из сумки дочери фотографию Генрихова, которая осталась на столе. Оля замечает ее жест.

ОЛЯ (*нервно*): Мама!! Ты опять рассказывала о моей боли?! Мама, ну что же ты делаешь? Зачем это? Почему ты все время напоминаешь мне о ней? Неужели тебе нравится разрывать мое сердце на кусочки?

РИТА (*смущенно и виновато*): Олечка, родная моя, успокойся, я не хотела, она сама собой выскочила из сумки. Я ничего не говорила!

ЛЮСЬКА (*с готовностью*): Она мне ничего не говорила!

ОЛЯ: Мама! Я прошу тебя последний раз. (*Забирая фото и нежно рассматривая его. Между делом искоса бросает взгляд на Люську, пытаясь оценить произведенный ею эффект. Люська демонстративно разворачивает пирог, всем своим видом показывая, что не в курсе разговора и ее это никак не касается*).

РИТА: Конечно, доченька. Я буду очень осторожна, очень. Мне так не хочется тебя расстраивать. Ты и без того все время на нервах. Как провела день?

ОЛЯ (*открывая мазь и помогая матери оголить ногу*): Все как обычно. Навестила известное тебе место, погуляла. Так спокойно, умиротворенно я себя чувствую только там. Мне кажется, это лучшее место в Москве.

РИТА: Ну, это только потому, что тебя туда притягивает

любовь. А ко мне тебе придется приходиться на другое кладбище.

ОЛЯ: *(бросая все, с дрожащими губами)*: Мама! Ты специально?! Ты специально, да?! Я не хочу даже думать о твоей смерти!!! *(Распалаясь все больше и больше)*: Не хочу, слышишь, и не буду! Мне достаточно одной смерти, я не готова приносить столько жертв. Столько жертв – это слишком много для меня!!! *(выбегает)*.

РИТА *(вскакивая и убегая за ней)*: Доченька! Доченька! Прости меня!

Люська медленно встает и выходит за ними.

Картина третья

Квартира Люськи, обстановка из первого действия. После выписки из больницы Люська проходит некоторое время. Люська в домашней одежде сидит перед трюмо и накладывает на лицо маску из крема. Появляется Таня с двумя большими продуктовыми сумками.

ТАНЯ: Купила молоко, хлеб, фрукты, пельмени. Сварю пельмешек по-быстрому на вечер нашим мужчинам. Вы будете ужинать?

ЛЮСЬКА: Нет, конечно! Мне только кефир.

ТАНЯ *(сокрушенно)*: Но кефира нет. Вы же не просили. А я и не купила. Ладно, поужинайте йогуртом.

ЛЮСЬКА *(вставая и оборачиваясь к ней)*: Давай посмот-

рю что там у нас есть. (*Залезает в сумку, поочередно достаёт продукты, внимательно их разглядывает, сверяет с найденным в сумке чеком*): Боже мой! Как ты можешь купить такую дрянь! Это же сплошной холестерин! А это что? Неужели ты будешь кормить этим свою семью? (*Нюхая мясо и внимательно разглядывая его цену*): Да за такие деньги можно мамонта купить! С бивнями! Из слоновой кости!

ТАНЯ (*устало*): Не нравится – не ешьте.

ЛЮСЬКА: Нравится или не нравится – это другой вопрос! Нормальная хозяйка должна смотреть и на качество, и на цену. И находить разумную пропорцию! На рынке то же самое можно было бы купить в два раза дешевле.

ТАНЯ: Мне некогда ездить на рынок.

ЛЮСЬКА: Конечно! Поэтому ты закупаешься в «Азбуке вкуса»!

ТАНЯ: Этот магазин ближе всех.

ЛЮСЬКА (*раздражаясь*): Я знаю, что он ближе всех. Я говорю о том, что надо иногда подумать и о бюджете!

ТАНЯ (*сухо*): Я, кажется, достаточно зарабатываю, Людмила Михайловна, чтобы самостоятельно принимать решения по этому поводу, и повторяю вам еще раз: все, что вам не нравится, вы спокойно можете отложить в сторону и не есть.

ЛЮСЬКА: Могу не есть! Могу не дышать! Что еще прикажете?

ТАНЯ: Совершенно не хочу с вами разговаривать. Зна-

ете ли, мне почему-то это не приносит никакого удовольствия.

ЛЮСЬКА (*иронично и злобно*): Ну, конечно! Жизнь – это сплошное удовольствие, не так ли? А обязанности и проявление внимания к семье – так это не для нас!!! Все, что мы умеем, так это только жить в кайф! А тебе не приходило в голову, что жизнь в кайф может быть только за счет других?

ТАНЯ: Нет.

ЛЮСЬКА: Потому, что ты думаешь только о себе и ни о ком больше! Ты просто вампиришь своих близких для собственного безмятежного существования.

ТАНЯ (*начиная понемногу выходить из себя*): Знаете что, Людмила Михайловна?

ЛЮСЬКА: И что?

ТАНЯ: Единственный вампир среди нас – это вы. И только вы одна пытаетесь подмять интересы семьи под свои удовольствия.

ЛЮСЬКА: Очень, очень интересно, продолжай.

ТАНЯ: Не хочу! Вы знаете, как я отношусь к вам, а я знаю, как вы ненавидите меня. На том и остановимся. (*Уходит на кухню*)

Люська берет телефон, и, напевая, набирает номер.

ЛЮСЬКА: Олечка, девочка моя! Хорошо, что застала вас дома. Как здоровье мамы?... Ах, да, да... Ей надо больше бывать на свежем воздухе. Непременно!... Конечно, я составлю вам компанию. А платье? Мне хотелось бы поме-

рить его уже сегодня. Нет, я хотела заказать еще кое-что. В мои руки попал такой журнал! Я потом тебе покажу. Ты подъедешь? Нет-нет, ни в коем случае! Мама пусть отдыхает, она и так потрудилась. За три дня почти готовое платье... Лучше приезжай сама. Я угощу тебя (*оборачивается на стол и берет упаковку сладостей, принесенных Таней*) свежей пахлавой. Безумно вкусная штука! Так ее делают, кажется, только в одном-единственном месте. ... И не надо говорить, что поздно! Ты же не поедешь одна на метро! Значит, договорились! Вот и хорошо, тогда я скажу сыну, и он заедет за тобой, а потом отвезет обратно Неправда! Как он может устать, если его попросит мама? А потом прокатить тебя – для него приятное событие. Целую, дорогая! Жду! (*кладет трубку, и, напевая, возвращается к зеркалу*).

Входит Таня в фартуке.

ТАНЯ: Пельмени сварила, если хотите, приходите ужинать.

ЛЮСЬКА: Обо мне не беспокойся. Лучше бы о сыне подумала!

ТАНЯ: Темка уже уплетает их в своей комнате, не отрываясь от компьютера.

ЛЮСЬКА: И ты позволяешь? Мало того, что ребенок неправильно питается, он еще и не соблюдает правил для нормального усвоения пищи!

ТАНЯ: Они сейчас все так едят.

ЛЮСЬКА (*срываясь на крик*): Все?! Все едят фабричные

пельмени?! Да никогда в жизни я бы не позволила своему ребенку поглощать дурно приготовленные полуфабрикаты.

ТАНЯ: Ну, так идите и слепите!

ЛЮСЬКА: Хватит! Когда у меня был муж, и я воспитывала сына, я постоянно торчала у плиты. И, между прочим, готовила сама!

ТАНЯ: Не очень-то мне в это верится. А, впрочем, что вам было еще делать от скуки? Сидеть целый день у косметички тоже надоедает со временем. Только реализовать себя там довольно проблематично.

ЛЮСЬКА: Не хаи мне! Я, если ты помнишь, закончила юрфак МГУ, а это совсем не то, что сейчас!

ТАНЯ: Ну да, только не работали ни дня!

ЛЮСЬКА: Я принесла карьеру в жертву семейному благополучию! То, что я не работала, это мой сознательный выбор.

ТАНЯ: Насчет вашего сознательного выбора я не имею никаких иллюзий! Так будете ужинать?

ЛЮСЬКА: Нет. Ко мне сейчас придет Олечка, привезет платье на примерку. Вот мы с ней и попьем чайку.

ТАНЯ: Что-то зачатило к вам это живое воплощение мировой скорби.

ЛЮСЬКА: Она прекрасный человек. Душевный и внимательный. Скромный и отзывчивый.

ТАНЯ: Сомневаюсь я что-то. Вся ее скромность состоит в холодной манерности и самолюбовании. Впрочем, мне нет

до нее никакого дела. Ждите ее, если хотите.

Обе поочередно уходят. Сцена на некоторое время пустует. Играет музыка, тускнеет свет. Проходит некоторое время. Музыка становится громче, свет постепенно делается ярче. Появляются Андрей и Оля. Андрей несет за Олей две сумки. Он выглядит веселым. Оля, как всегда, торжественно печальна.

АНДРЕЙ: Мам! Ты где? Мы приехали!

Появляется Люська, улыбочивая и суетливая.

ОЛЯ: Здравствуйте, Людмила Михайловна!

ЛЮСЬКА *(Оле)*: Ах, моя девочка, не замерзла? *(Сыну)*: Помоги Олечке раздеться, спасибо, что помог ей добраться. *(Оле)*: Ты знаешь, я так радуюсь, когда ты к нам приезжаешь.

ОЛЯ: Ну что вы, вряд ли я могу вас сильно чем-то порадовать...

ЛЮСЬКА: А вот именно своим присутствием в моем доме и радуешь.

ОЛЯ: Спасибо. Но мне кажется от меня мало радости. Я тут привезла кое-что. *(Поворачивается к сумкам, принесенным Андреем, подает Люське одну из них)*: Вот здесь ваше платье. Вы примеряйте, я потом маме скажу, где надо поправить. А здесь *(из другой сумки достает бутылочку и большой домашний торт)* кое-что к столу. Вам же нравится моя кухня. Наливка из ягод, сама собирала, сама настаивала. И тортик только что из духовки, наверное, не остыл еще.

ЛЮСЬКА *(бросая на сына гордый взгляд)*: Вот это хозя-

юшка! Спасибо тебе, родная, столько трудов, стоило ли?

ОЛЯ: Какие труды?! Мне нравится готовить.

ЛЮСЬКА: Значит, за стол.

АНДРЕЙ: Ну, иду мыть руки! (*Уходит*)

ЛЮСЬКА: И как чувствует себя мама?

ОЛЯ: С тех пор, как выписалась из больницы, не может успокоиться. Все время говорит про вас. Вы ее просто обаяли.

ЛЮСЬКА (*застенчиво улыбаясь*): Ну что ты! Разве я такая уж обаятельная? Вот мой покойный муж мог обаять кого угодно! Очень приятный был человек! (*Многозначительно*): Андрей весь в него. И ведь совершенно не пользуется этим своим качеством. Очень скромный, очень. Совсем не подвержен искушениям...

За сценой слышен нарастающий шум разговора Тани и Андрея. В процессе своих реплик они появляются на сцене.

ТАНЯ: А мне-то она зачем?

АНДРЕЙ: Ну а мне? ... Веселее, все-таки.

ТАНЯ: Да уж, веселье такое, что обхохочешься... (*Оле сухо, но вежливо*): Добрый вечер, Оля. Как добрались?

ОЛЯ (*так же сухо*): Добрый вечер. Спасибо. Андрей очень аккуратно водит машину.

ТАНЯ (*удивленно*): Что вы говорите? Я никогда не замечала! Видимо, когда везет вас, боится нарушить ваш вездомной покой.

ЛЮСЬКА: Садимся к столу! Темочка будет с нами

пить чай?

ТАНЯ: Вы же знаете, что нет. Он почему-то совсем не приветствует разговоры о шитье и готовке. *(Оле, иронично)*: Очень странный мальчик, знаете ли...

Рассаживаются за столом, разливают Олину наливку, затем чай.

ЛЮСЬКА: Я так радуюсь гостям, тем более таким приятным, как Олечка. За твое здоровье, милая.

ОЛЯ: Спасибо.

ТАНЯ *(Оле)*: Да, радость приходит в наш дом вместе с вами.

Андрей подавляет смешок, Люська бросает сердитый взгляд на Таню.

ЛЮСЬКА: Прекрасный напиток! Там даже малина чувствуется?

Оля делает вид, что не слышит вопроса.

ЛЮСЬКА: Золотые ручки! И совсем немного сахара, да?

ТАНЯ: Оля, скажите рецепт, Людмила Михайловна мечтает научить меня готовить.

ОЛЯ: Наши с мамой рецепты мы не выдаем. Знаете ли, это семейная традиция. Зато мы всегда уверены, что готовим лучше, чем кто-то еще. Так меня научили мама и бабушка.

ЛЮСЬКА: И это правильно! Совершенно правильно!

АНДРЕЙ: Абсолютно бесподобная вещь! Следует повторить! *(Разливает наливку)*

ТАНЯ: Сохранять семейные рецепты, конечно, здорово.

Это создает дополнительную интригу.

ЛЮСЬКА: Ты хочешь сказать «дополнительный интерес»?

ТАНЯ: Я хочу сказать «дополнительную интригу».

АНДРЕЙ (*стараясь сменить тему*): Перейдем к сладкому.

ЛЮСЬКА (*пробуя торт, Оле*): Мастерница!

ОЛЯ: Это не сложно, только много времени занимает.

ТАНЯ (*Оле*): У вас его, видимо, достаточно?

ОЛЯ: Нет, я обычно бываю занята.

ТАНЯ: Чем же, если это, конечно, не является тоже семейной тайной?

ОЛЯ: Ну... я много размышляю... и у меня есть определенные обязанности по отношению... к....

ЛЮСЬКА (*приходя на помощь Оле*): У нас у всех времени немного. А Рита много шьет.

ОЛЯ: Да, о маме тоже необходимо заботиться.

ТАНЯ: Вы помогаете ей кроить? Или обрабатываете швы?

ОЛЯ: Забота о маме не выражается каким-то определенным словом! Я просто должна быть рядом!

ЛЮСЬКА (*гордо*): Отлично! Вот оно, истинное понимание жертвенности!

ТАНЯ: К сожалению, я плохо понимаю суть жертвенности. Становиться жертвой по собственной инициативе, на мой взгляд, неразумно по отношению к себе.

ЛЮСЬКА: А если эта жертвенность необходима для се-

мьи?

АНДРЕЙ: Что это за семья такая, которая требует жертвовать собой?

ЛЮСЬКА (*Андрею*): Ты ничего не понимаешь! Любая семья требует времени, заботы, внимания. (*бросая многозначительный взгляд на Таню*). Отказа от своих привычек и интересов, наконец!

ОЛЯ: Совершенно с вами согласна. Мы должны жить для кого-то.

АНДРЕЙ: Так долго не протянешь!

ОЛЯ (*делая еще более скорбный вид*): Но ведь смысл жизни не в длительности, а в яркости, которой ты освещал ее!

ТАНЯ: А почему не выбрать яркость без жертв? Не лучше ли дарить свет, занимаясь приятным и любимым делом?

ОЛЯ: Заботой о ближнем?

ТАНЯ: Смотря что мы называем заботой. Если необходимо ухаживать за больным членом семьи, – это один вопрос. И совсем другой, – когда нашего присутствия у его постели не требуется.

ЛЮСЬКА: Присутствие требуется всегда.

ТАНЯ: Главное, чтобы оно не стало пристрастием!

Андрей улыбается, его забавляет этот разговор.

ОЛЯ: Для меня важно быть нужной. Я не могу жить иначе. Те, кому я нужна, чувствуют это, и... (*готовая разрыдаться*) и... они чувствуют, даже если не могут чувствовать.

ТАНЯ: (*поднимаясь из-за стола*): Ну, хватит! Я уже на-

елась, ухажу! Большое всем спасибо.

ЛЮСЬКА: Спокойной ночи!

ОЛЯ (*трагическим шепотом*): Прощайте!

АНДРЕЙ (*поспешно поднимаясь следом за Таней и догоняя ее. Дальнейший диалог происходит на краю сцены, на пониженных тонах*): Почему ты убегаешь?

ТАНЯ: Это ужасно! Ты что, не видишь разве, – она купается в самолюбовании своей несчастью?

АНДРЕЙ (*посмеиваясь*): Вижу, конечно! Только это не ужасно, а, наоборот, очень весело!

ТАНЯ: А, понятно! Такая драматическая клоунада?

АНДРЕЙ: Ну что ты, милая? Мне действительно смешно за ней наблюдать. И это вызывает к ней интерес. Она своеобразна.

ТАНЯ (*нежно улыбаясь мужу*): Она просто не совсем здорова головой, может быть?

АНДРЕЙ (*смеется в голос, целует жену*): Возможно, и такое!

ТАНЯ: Если я вдруг решу сменить профессию и устроюсь работать врачом в психбольницу, обязательно понаблюдаю за ней более внимательно. (*Андрей хохочет*). А сейчас я иду спать!

АНДРЕЙ: Спокойной ночи, любимая!

ТАНЯ (*целует его*): Спокойной ночи, милый.

Андрей возвращается к столу.

АНДРЕЙ: Ну что? Истина открылась вам в вине? (*Поти-*

рая руки): Может быть, разольем? (*наливает вино в рюмки*)

ЛЮСЬКА: От нас с Олечкой истина и не прячется. Мы совершенно единокорны с ней по всем вопросам. (*Оле*): Верно?

ОЛЯ: Конечно, Людмила Михайловна. Я всегда ценю ваше мнение, тем более, что мы с вами чувствуем жизнь практически одинаково.

ЛЮСЬКА: Золотые слова. Как я люблю тебя, милая!

ОЛЯ: Людмила Михайловна, вы платье будете мерить? А то уже поздно, первый час ночи. Мне пора. Как вы считаете лучше домой добираться?

ЛЮСЬКА: Как я считаю?! Конечно, Андрей довезет тебя!

АНДРЕЙ (*чуть не поперхнувшись наливкой, которую пьет в этот момент*): Мам, как я за руль сяду?

ЛЮСЬКА: Сынок, уже поздно. Девочку нельзя отпускать одну. Мы можем либо предложить ей остаться, либо ты должен довезти ее на такси. Впрочем, я считаю, что не так уж много ты и выпил. Заодно развеешься на свежем воздухе по дороге. Думаю, не стоит говорить, чтобы ты привел Олечку в квартиру. Я должна чувствовать себя спокойно перед ее мамой. Они так внимательны ко мне. Мы не можем быть неблагодарны. (*Оле*): Деточка, а вы проследите за моим сыном. Я, конечно, уверена, что он джентльмен, но тем не менее... Это не будет слишком обременительно для вас?

ОЛЯ (*искоса поглядывая на Андрея*): Ну что вы, Людмила Михайловна! Мы обязаны заботиться друг о друге. Я мог-

ла бы его и накормить... У нас и место найдется, где переночевать, чтобы не возвращаться поздно ночью.

АНДРЕЙ (*ворчливо*): Ну вот еще! Я лучше домой!

ЛЮСЬКА: Посмотришь по ситуации. (*Оле*): А платье я привезу сама.

ОЛЯ: Спасибо вам, Людмила Михайловна. Доброй вам ночи. Идемте, Андрей?

АНДРЕЙ (*наспех дожевывая что-то со стола*): Угу, уже идем.

Андрей с Олей уходят. Люська провожает их с улыбкой, закрывает за ними дверь. Очень довольная садится за стол. Покачивает головой, улыбаясь своим мыслям.

Занавес.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Между первым и вторым действием проходит около шести месяцев. Сейчас теплое время года, что видно по одежде, в которой появляются персонажи.

Квартира Риты и Оли. Раннее утро. Везде чисто и аккуратно. Много ажурных салфеток, вышивок и прочих тканевых поделок. На столе белоснежная скатерть. За швейной машинкой сидит Рита, работает с материалом. Из спальни выходит только что проснувшаяся Оля в ночной рубашке. Она довольна, но, как всегда, пытается сохранить удрученный вид.

РИТА: Доброе утро, доченька! Как спалось?

ОЛЯ: Ты в каком контексте интересуешься?

РИТА: Да ни в каком! Просто спросила.

Оля, потягиваясь, проходит к столу, лениво берет что-то из вазочки, жует.

ОЛЯ: Все нормально, мама. Я просто еще не привыкла к новому качеству. Хотя, думаю, что не привыкну никогда.

РИТА: Да что ты, доченька! (*понижая голос*): Нормальный мужик! Приличный... В хозяйстве всегда сгодится.

А что принца-то ждать?

ОЛЯ: Мама! Да не жду я никого! Просто я – однолюб. Мне трудно преодолеть свои чувства и ломать свою привычную жизнь ради кого-то, кто... кто... возможно, не соответствует моему идеалу.

РИТА: Ну, уж ты будто идеал тогда нашла...

ОЛЯ: Да! Для меня Борис был идеальным, потому что я любила его, ты же знаешь, любила!

РИТА (*испуганно*): Тихо! Услышит же!

ОЛЯ: Ну и пусть! Он и так все знает, мы говорили на эту тему.

РИТА: Так надо знать еще что говорить.

ОЛЯ: А что тут говорить, если в моей жизни присутствует только одна страсть только к одному человеку?!

РИТА: Ты что сказала, что... Глупенькая, что ты ему рассказала? Нет, скажи лучше, как ты это рассказала?

ОЛЯ: А вот так. Я рассказала все как есть. Конечно, все! Абсолютно все! Если он собирается строить свою жизнь со мной, он должен понимать мои приоритеты.

РИТА: Глупости говоришь! Ни один мужик не позволит своей женщине иметь приоритетом другого мужика.

ОЛЯ: А это как угодно. Как хотите, никто не заставляет. Мои чувства выше меня.

РИТА: Чувства, Олечка, могут быть выше, а вот их проявление надо дозировать. Поверь моему опыту.

ОЛЯ: Какому опыту? Не такой уж богатый у тебя опыт,

насколько я знаю. Я понимаю так: если любишь, – люби. А он меня любит, раз ушел из семьи.

РИТА (*недовольно качая головой*): Да ведь это еще неизвестно. Сегодня ушел, а завтра вернулся...

ОЛЯ: Мама, ну почему ты так! Ты издеваешься, да? Ты все время хочешь мне плохого, да? Ты – монстр!

РИТА: Ну, какой я монстр? Тоже мне, сказала! Просто нельзя показывать свою холодность и равнодушие. Что было, то было, пора забыть уже...

ОЛЯ (*возмущенно*): Чтобы я забыла Бориса?! Никогда!

РИТА: Тихо!

Из спальни появляется только что проснувшийся Андрей. Он небрит, сумрачен, но сначала пытается казаться веселым.

АНДРЕЙ: Доброе утро, милые дамы!

РИТА: Доброе утро, Андрей. Завтракать будете?

АНДРЕЙ: Спасибо, мне что-то не хочется. Я бы водички попил. (*Подходит к столу, наливает из графина жидкость и с жадностью выпивает полный стакан*). Я сегодня домой хочу съездить. Маме ничего передать не надо?

ОЛЯ: А разве твой дом теперь не здесь?

Андрей внимательно на нее смотрит, но не отвечает.

ОЛЯ: Где же твой дом?

РИТА: Ничего не надо, Андрюшенька, передавать. Вы ей скажите только, что я уже пуговицы пришиваю, а, в остальном, все готово

ОЛЯ (*Андрею, настойчиво*): Я думала, ты живешь здесь, раз привез свои вещи.

АНДРЕЙ: Здесь, конечно, больше нигде! Только не забывай, что у меня еще сын и... мама

ОЛЯ: Да уж, забудешь про них!

РИТА: Я тогда чайку заварю свеженького. С Олечкиным вареньем попьете. Хорошо с утра. (*Уходит*)

ОЛЯ (*Андрею*): Мне не нравятся эти поездки. Кажется, ты был у сына в прошлый выходной.

АНДРЕЙ: Был.

ОЛЯ: Не часто ли?

АНДРЕЙ: Не часто.

ОЛЯ: Я нормальная женщина и прекрасно понимаю, что если есть сын, то его приходится навещать. Только надо...

АНДРЕЙ (*грубо перебивая ее*): Только не надо!

ОЛЯ (*возмущенно*): Как ты со мной разговариваешь!

АНДРЕЙ: Оль, спокойно! Голова просто болит. Эта твоя наливка вчера, блин!

ОЛЯ: Так нечего было столько пить. Кто заставлял?

АНДРЕЙ: Никто и не заставлял. Сам пил, знаю.

ОЛЯ: Вот ты сейчас уедешь, и что я, по-твоему, должна делать? Ждать тебя у окна в позе васнецовской Аленушки?

АНДРЕЙ: Не знаю. Делай что хочешь. Ну, сходи погулять куда-нибудь. Погода такая, позагорать можно.

ОЛЯ: Позагорать?! Одна?! Ты с ума сошел?

АНДРЕЙ (*раздражаясь*): Не знаю я, Оль, куда тебе схо-

дить. Куда-то же ты можешь сходить без меня. В прачечную там, или в химчистку.

ОЛЯ (*готовясь заплакать*): Ах, вот как! Теперь, значит, живя с тобой, я все равно буду ходить одна?

Появляется Рита с чайником.

РИТА: А вот и чаек, горяченький! Олечка, доставай свои печенья!

АНДРЕЙ: Нет, я пойду одеваться, надо сына навестить.

РИТА: А чай?

АНДРЕЙ: Чай я дома попью... (*спохватываясь*): У мамы дома. (*Уходит*).

ОЛЯ (*Рите*): Ах, мама, это какое-то испытание! Он совершенно бессердечен. Ему доставляет удовольствие издеваться надо мною. Целый месяц мы живем вместе, и целый месяц я пытаюсь подстроиться под его интересы!

РИТА: Да поначалу ведь и он к тебе подстраивался...

ОЛЯ: Он? Подстраивался?

РИТА: Конечно! Неужели можно это отрицать?

ОЛЯ: Нет, мама, подстраиваться – это значит жить жизнью другого человека. И если ты любишь, как любила и люблю Бориса я, значит, вся твоя жизнь должна быть подчинена этому чувству. И тогда для мыслей о себе уже не остается места, потому, что ты полностью растворяешься в этом человеке и принадлежишь не себе, а любимому.

РИТА: Нет, доченька! Это уже не на любовь похоже, а на что-то другое, на болезнь какую-то.

ОЛЯ: Любовь и есть болезнь. Только иного рода. Она меняет мироощущение, и даже состав крови. Конечно, это болезнь!

РИТА: Да не так, не так все, как же ты не поймешь! Не будет и не должен мужчина унижаться в своей любви. Это значит, что его слабость, его зависимость, ну как наркотическая или алкогольная, например, сильнее его. А любовь, это то, что выходит из сердца, из души, изнутри, то есть. Она рождается внутри, а потом вырастает, и охватывает того, кто рядом, того, кого любишь. Да не смогу я это словами выразить, я это просто чувствую. Ты своего артиста столько лет любишь, а ведь любовь твою можно на живого человека направить...

ОЛЯ (*нервно кричит*): Прекрати!!! Это... это высокое, это... ты совсем не понимаешь! Ты никогда такого не чувствовала! Ты не имеешь права! (*убегает, закрыв лицо руками*)

РИТА (*одна, говорит тихо сама себе*): Ну вот, опять... Как же ее, бедняжку, спасти-то? Доведет она себя этой своей неземной любовью...

Картина вторая

Квартира Люськи. Чувствуется беспорядок. В комнате стоит открытый чемодан с вещами. Непричесанная Таня медленно передвигается по комнате, укладывая вещи в че-

модан. Иногда устало присаживается на стул и задумчиво смотрит куда-то вдаль.

Входит Артем

АРТЕМ: Мам, я, конечно, тебя понимаю, но лучше бы ты не уезжала. (*Таня молча смотрит на него*). Ну, если хочешь, давай поедем вместе

ТАНЯ: Мы же договорились, что ты закончишь здесь школу. Я все равно уеду, а ты приедешь к нам, как только сможешь.

АРТЕМ: Это несправедливо!

ТАНЯ: Это справедливо, сынок! Я не могу оставаться здесь, у Люськи. И даже, если бы она не намекала мне каждый день об этом, я бы все равно уехала.

АРТЕМ (*прижимаясь к матери*): Мам, это так тяжело! Мне кажется, что я чувствую все так же, как и ты.

ТАНЯ: Я знаю, и это не кажется, это так и есть

АРТЕМ: И, наверное, я все понимаю.

ТАНЯ: Не совсем все, все можно понять только поднявшись над ситуацией. А мы сейчас завязли в ней как в болоте. Чуть позже ты убедишься, что действительно понял, да и я тоже.

АРТЕМ: Ты разлюбила отца?

ТАНЯ: Нет. Но я перешагнула через свою любовь.

АРТЕМ: Как это?

ТАНЯ (*слегка отстраняет лицо сына и внимательно*

смотрит ему в глаза): Как бы это представить? Вот если бы я стояла в плаще, потом скинула его и сделала несколько шагов вперед. Понимаешь?

АРТЕМ: Не совсем.

ТАНЯ: Любовь к отцу это как плащ. Сначала он грел меня, а потом оказался ненужным. Вон он, на полу, он есть и никуда не делся. Только я не могу обернуться в его сторону. И уже не буду поднимать.

АРТЕМ: И носить?

Таня нежно гладит сына по голове.

ТАНЯ: Ты взрослый, ты гораздо мудрее, чем я представляла. Я это только недавно поняла.

АРТЕМ: Но ведь тебе будет холодно без этого плаща?

ТАНЯ: Да, мне холодно.

АРТЕМ: Тогда, может быть...

ТАНЯ (*перебивает его*): Может быть, сынок. В жизни всегда все может быть. И мы должны это понимать.

Входит Андрей. Артем, замечая его, нежно освобождается от объятий матери и молча смотрит в его сторону.

АНДРЕЙ: Таня!

АРТЕМ: Папа, здравствуй.

АНДРЕЙ (*решительно подходя к ним*): Здравствуй, сынок. (*Крепко обнимает его, Артем при этом не делает никаких движений, он замер*)

АРТЕМ (*высвобождаясь*): Пап, мама уезжает.

АНДРЕЙ (*Тане*): Я хочу поговорить с тобой.

АРТЕМ: Я пойду к себе, мам, мне еще физику учить.

АНДРЕЙ: Таня!

Таня медленно поворачивается к нему. Андрей падает на колени и обнимает ее ноги. Таня молча стоит, не делая никаких движений.

АНДРЕЙ: Таня! Таня! Я не могу так! Милая, родная, Танечка, я не могу так!

ТАНЯ: Я уезжаю, Андрей.

АНДРЕЙ (*медленно поднимается с колен, пытается взять ее за руку*): Куда?

ТАНЯ (*убирая свою руку*): К родителям, в Тулу. Я возвращаюсь домой. (*Начинает медленно ходить по комнате, пытаясь складывать свои вещи в чемодан. При этом она что-то достает из него, затем вновь кладет обратно, видно, что она не может сосредоточиться*)

АНДРЕЙ: Ты с ума сошла!... Как ты будешь ездить сюда, на работу?

ТАНЯ: Я сегодня ушла с работы.

АНДРЕЙ (*закрывая лицо руками*): Боже мой! Ты же не сможешь!

ТАНЯ (*впервые повернув к нему лицо*): Я смогу, Андрей. Ты же знаешь.

АНДРЕЙ: Даже если ты сможешь без меня, ты не сможешь без работы, Таня, милая, что же ты делаешь?!!

ТАНЯ: Я тоже сначала так думала. Ничего, в Туле тоже слушают и учатся музыке.

АНДРЕЙ (*тихо, с мольбой*): Не уезжай...

ТАНЯ: Мы говорили с Люськой, Артем пока останется с ней. Он должен кончить школу, потом будет поступать. Это она предложила. Я согласилась.

АНДРЕЙ: Я не должен тебя отпускать.

ТАНЯ: Это не в наших силах. Сейчас нами управляют обстоятельства.

АНДРЕЙ: Я не понимаю! Да, я сволочь, я дурак, я дрянь!!! Ты не можешь меня простить, но зачем ты бросаешь сына, свой оркестр, друзей, зачем, почему?!! Кому это нужно?!!

ТАНЯ: Не горячись. Ты думаешь, что я жертвую всем этим из-за своей гордости или из-за того, чтобы тебе было больнее? Нет. Это не жертва, это выбор. Это решение пришло само собой как единственно верное. Ты знаешь, мы практически не разговариваем с Люськой, но как только я решила уехать, она завела со мной серьезный разговор.

АНДРЕЙ: И что она сказала тебе?

ТАНЯ: Что я не должна здесь оставаться, поскольку ее сын полюбил другую женщину.

Андрей хватается руками за голову и стонет

ТАНЯ: Я ответила, что я это понимаю и готовлюсь к отъезду.

АНДРЕЙ (*с надрывом*): Но я не полюбил другую женщину!

ТАНЯ: И мне показалось, что она вздохнула с облегчением. Видимо, готовилась к крупному разговору с объяснени-

ями, а он не понадобился.

АНДРЕЙ: Танечка!

ТАНЯ (*останавливается, потом медленно подходит к нему*): Артему очень тяжело. Попробуй ему помочь.

АНДРЕЙ: Таня! (*шепотом*): Спаси меня! Нам всем тяжело.

ТАНЯ (*будто пробудившись, возмущенно*): Всем?! Нет, ты знаешь кому в этой ситуации становится легко и спокойно. (*тут же угасая, тихо*): Я тоже больше не могу, Андрей. Это должно было произойти. И мы с тобой всегда это знали. Просто ты на все закрывал глаза из-за своей слабости, а я продолжала терпеть из-за своей отрешенности. Она права, у меня никогда не было времени подумать, оглянуться, оценить. Я все время бежала, я неслась куда-то, мне надо было ездить, летать, репетировать. Я, конечно, любила и тебя, и Темку, но не задумывалась об этом. Это все прилагалось к моему забегу как публика, сидящая на спортивной трибуне и болеющая за бегуна. Бежишь ради нее, потому что если публики нет, то и финиш не нужен. Но я вас просто не замечала, ни тебя, ни сына, ни ее. Бежала и считала шаги: и – раз, и – два, и – три... И вот сейчас я могу все переоценить. У меня есть для этого время.

АНДРЕЙ: Ты уже переоценила.

ТАНЯ: Да.

АНДРЕЙ: И что ты поняла?

ТАНЯ: Ты знаешь грузинскую пословицу: дорогу уви-

дишь тогда, когда арба перевернется? Человек тихонечко засыпает, пока спокойно погоняет волов. А наша арба катилась к пропасти. И перевернулась для того, чтобы, растеряв свой скарб, мы смогли спасти свои жизни.

АНДРЕЙ: Ты изменилась.

ТАНЯ: Нет... Ты же сам все время повторял мне, что люди никогда не меняются. Я такая же. Просто приходят обстоятельства, в которых мы ведем себя по-новому, непривычно для окружающих.

АНДРЕЙ: Я изменю обстоятельства.

ТАНЯ (*грустно усмехнувшись*): Зачем говорить про сорванную ветку, разбитую чашку, единожды входящего в воду? Разве это имеет смысл?

АНДРЕЙ: Я не смогу жить без тебя.

ТАНЯ: Так кажется поначалу. Потом привыкаешь.

АНДРЕЙ (*энергично, быстро*): Выслушай меня! Я не знаю, как это произошло. Я не хотел, не думал. Когда эта женщина (*Таня болезненно морщится*) стала появляться в нашем доме, я и представить себе не мог! Это была игра! Мне хотелось подразнить ее, не тебя, а ее, с этой ее закомплексованностью и какой-то придуманной любовью к трупам. Ты не представляешь, она даже водила меня на могилу этого артиста и рыдала там. А мне было весело! Мне было весело посмеяться над ее глупыми фантазиями. Я издевался над ней! Не вслух, но в душе я издевался и хохотал! А потом... Потом она возомнила, что я влюблен в нее и открылась, что

она никогда ни с кем не спала.

ТАНЯ (*с усмешкой*): И ты посчитал своим долгом?...

АНДРЕЙ: Да! Да!!! Я посчитал! Посчитал долгом, шуткой, возомнил себя спасителем! Назови это как хочешь, потому что я сам не знаю, как это назвать! Тогда я остался у них в первый раз. Ты была на гастролях.

ТАНЯ: Это было первого мая.

АНДРЕЙ: Ты знаешь?

ТАНЯ: Да, Андрей, я знаю. Я разговаривала по телефону с Люськой.

АНДРЕЙ: Что-о-о? Мать тебе это рассказала сама?

ТАНЯ: После концерта я, как всегда, позвонила Артему, поговорила с ним. Он сказал, что бабушка просит передать ей трубку. Вот так и поговорили.

АНДРЕЙ: Что?! То есть... Как она сказала тебе об этом?

ТАНЯ: Спокойно.

АНДРЕЙ (*в бешенстве начинает носиться по комнате*): Как она сказала об этом?! Зачем?!

ТАНЯ: Ну, наверное, затем, чтобы все получилось так, как она задумала.

АНДРЕЙ: Но ведь она сама... Она сама мне... Она обещала, что ты не узнаешь.

ТАНЯ: Именно поэтому я и приехала раньше, чтобы самой все узнать и оставить ее ни при чем. Сыграла по ее правилам.

АНДРЕЙ (*почти шепчет, так как от волнения ему труд-*

но говорить): Где она?

ТАНЯ: Наверное, отдыхает у себя в спальне.

АНДРЕЙ (*совершенно выходя из себя*): Я убью ее!

ТАНЯ (*спокойно*): Не убьешь. (*со значением*): Она – мать.

АНДРЕЙ: Я убью ее!! (*выбегает из комнаты*)

Таня остается одна, продолжая медленно укладывать вещи. Через несколько секунд за сценой раздаются вопли.

Появляется Люська. Вслед за ней вбегает Артем. Несколько секунд спустя входит Андрей. Он падает в кресло и обхватывает голову руками, и так продолжает сидеть, не реагируя на происходящую сцену.

ЛЮСЬКА: Он поднял на меня руку! Он хотел меня ударить!!! (*Артему*): Твой отец замахнулся на меня! Мой сын! И это мой сын!

ТАНЯ (*отрешенно*): Что вы кричите? Он вас и пальцем не тронул.

ЛЮСЬКА (*Тане*): Не тронул?! Он посмел замахнуться! Он хотел! Он бы ударил, если бы я не выбежала!!! Это все ты! Это из-за тебя!!! Из-за тебя он хотел убить собственную мать!!!

ТАНЯ: Так не убил же.

ЛЮСЬКА: Ах ты дрянь! Сука! Шалава!

АРТЕМ: Бабушка! Что ты говоришь?!!!

ЛЮСЬКА (*указывая на Таню*): Это все она!!! Она меня ненавидит! Она подговорила твоего отца!!!

АРТЕМ (*пытается остановить ее, схватив за руку*): Ба-

бушка, перестань!

ЛЮСЬКА (*Артему, вырывая руки*): Отцепись от меня! Он сказал, что это я! Будто я во всем виновата!!! Он хотел! И ударил бы!

АНДРЕЙ (*поднимаясь с кресла с силой бьет кулаком по подлокотнику*): Хватит!!!

Люська в ужасе оборачивается на него и тут же затихает. Артем испуганно смотрит на отца.

АНДРЕЙ (*подходит к Тане*): Уедем вместе?

Таня медленно отрицательно качает головой. Андрей резко разворачивается и уходит. За сценой слышно, как он хлопает входной дверью.

АРТЕМ: Вы – сумасшедшие! Вы все здесь сумасшедшие! (*Выбегает из комнаты*)

Таня садится, закрывает лицо и беззвучно рыдает.

ЛЮСЬКА (*уже не кричит, но говорит со злостью*): Какая же ты дрянь! Ты испортила мне сына, на воспитание которого я положила жизнь!... Ты испортила все!

ТАНЯ (*собирая последние силы, медленно поднимает голову, но говорит размеренно и спокойно*): Мы же договорились. Я сегодня вечером уезжаю. Не мешайте собирать мне вещи.

ЛЮСЬКА: Тебя давно пора было выгнать! Ты и своего сына испортишь!!! Ты же исчадие ада! Ты мразь, которая питается чужими эмоциями!!!

ТАНЯ: Не мешайте собирать мне вещи.

ЛЮСЬКА: Я долго терпела тебя, но когда-нибудь всему приходит конец!!

ТАНЯ: Не мешайте. Собирать. Мне. Вещи. Я уезжаю.

ЛЮСЬКА: И чтобы мы не видели тебя больше в нашем доме! Ни я, ни Андрей, ни Артем!

ТАНЯ (*выпрямляя спину, гордо*): Артем мой сын. И если с вами я надеюсь больше никогда не видеться, то Артема я все равно заберу к себе. И вы этому помешать уже не сможете никак.

ЛЮСЬКА: Смогу, ты меня плохо знаешь!

ТАНЯ (*усмехаясь*): Уж как знаю вас я, Людмила Михайловна, а попросту Люська, вас знал только один ваш муж. Он перед смертью, кстати, сказал мне: «Бойся ее, это страшный человек!».

ЛЮСЬКА: Это неправда! Этого не могло быть!

ТАНЯ: Тем не менее, это было, и вы знаете, что это правда. Именно из-за вас он торчал на работе, потому, что с вами не мог находиться дома, и именно это сделало ему карьеру.

ЛЮСЬКА: Замолчи! Он просто был гениальным адвокатом!

ТАНЯ: Может быть и гениальным. Но двадцать часов в сутки на работе тоже принесли свои плоды.

ЛЮСЬКА: У него были клиенты!

ТАНЯ: Да не пытайтесь обмануть меня, как вы обманываете себя! Мы же всегда дружили с ним. И он много о вас рассказал!!! Он говорил, что прячется на работе, ныряя в нее

с головой, потому что изменять вам боится, а развестись не может.

ЛЮСЬКА: Ложь! Он всегда любил меня!

ТАНЯ: Он боялся вас! Потому, что всю энергию выпивали из него вы! Именно вы! А когда его не стало, вы позвали нас со съемной квартиры, чтобы пить нашу энергию и нашу кровь. Сейчас я уеду, вы будете питаться сыном, а потом внуком. Но я вам его не отдам!

ЛЮСЬКА: Ложь! Ты все лжешь!!! Лжешь! Убирайся! Чтоб я не видела тебя и не слышала о тебе! Артистка! Проститутка! Чтоб ноги твоей!... *(гордо и возмущенно удаляется из комнаты)*.

Таня молча остается стоять посередине комнаты с опущенной головой.

Картина третья

Квартира Риты и Ольги. Обе молча сидят в комнате. Пауза длится некоторое время. В течение всего действия Оля сохраняет присущую ей нервозность и истеричность. В определенные моменты либо срывается на крик, либо пытается заплакать.

РИТА: Может быть, мне позвонить им туда, домой?

ОЛЯ: Мама, не надо, сколько можно говорить.

РИТА: А вдруг случилось что?

ОЛЯ: Уж лучше бы случилось. У меня плохие предчувствия.

РИТА: Я не понимаю. Вещи-то его точно остались, ты смотрела?

ОЛЯ: Ну, здесь же, говорю тебе, я все проверила уже сто раз!

РИТА: Не знаю тогда. Надо позвонить.

ОЛЯ: Вот как сделаем. Я сейчас пойду спать. Если появится, скажи, что я устала и сплю давно. А ты позвони тихонечко, как будто ничего не случилось. Просто поговори с Людмилой Михайловной. Мама, ты сможешь притвориться? Ничего не случилось, а я сплю. Поняла?

РИТА: Да уж поняла, конечно! Только лучше бы прямо спросить. Спокойнее будет.

ОЛЯ: А я тебе говорю – нет! Вот еще не хватало мне!..

Слышится шум открывающейся входной двери. Появляется мрачный Андрей. Он совершенно пьян и еле держится на ногах.

АНДРЕЙ: А-а, вы не спите еще?

РИТА: Ой, батюшки! Андрей, где ж вы так?

АНДРЕЙ: А я думал, – вы спите!!

ОЛЯ (*медленно приближаясь к нему*): Ты же совершенно пьян!

АНДРЕЙ: Неправда. Совершенство недостижимо!

ОЛЯ: Посмотри на себя! Это походы к сыну превращают тебя в свинью?

АНДРЕЙ (*продолжая*): Совершенство – удел святых. Я не свинья. Я никто. А никто не может быть пьяным или трезвым. Мне плохо.

ОЛЯ: Неудивительно.

РИТА: Может быть, чаю поставить?

ОЛЯ: Мама, перестань! Он будет напиваться, а мы должны его чаем отпаивать?!!

РИТА: Так ты не видишь, что ли, плохо же ему

Андрей почти падает на стул, стоящий перед столом и кладет голову на руки.

ОЛЯ (*Андрею*): Приведи себя в порядок, я не позволю тебе войти в мою комнату в таком виде.

АНДРЕЙ (*с трудом поднимая голову и грустно глядя на нее*): И не надо.

ОЛЯ: Тогда ночуй там, где пил! (*разворачивается, чтобы уйти*)

АНДРЕЙ: Стой!

ОЛЯ: Что-о? Это ты мне?

АНДРЕЙ (*медленно, четко пытаясь выговаривать слова*): У тебя есть выпить? Я знаю, что у тебя есть.

ОЛЯ (*Рите удивленно*): Мама, это как понимать? Это он у нас еще и выпить просит?

РИТА: Да подожди ты, может случилось что. Андрей, вы расскажите. Как дома у вас? Вы же дома были?

Андрей с трудом кивает головой.

РИТА: Все живы – здоровы?

Андрей снова кивает.

РИТА: Так что ж произошло-то? Событие, что ли какое-то? Или вы со своей супругой как-то... *(делает непонятные жесты руками, пытаясь подобрать нужное слово)*

АНДРЕЙ *(смотрит на нее пристальным пьяным взглядом)*: Все живы, все. За маму волнуетесь? Я ж не убийца какой-нибудь. *(продолжает сам с собой)*: Я только ...ух!... чтобы все... и всё! А так – не-е-е. Это не ко мне. Я не умею. Да и что я, в самом деле... А вы что, правда подумали? *(обращается к Рите)*: У вас же есть там что-нибудь?

РИТА: Что вы, Андрей, вам не надо больше!

ОЛЯ *(Рите)*: Да перестань ты с ним разговаривать! Нам не хватало еще выслушивать этот пьяный бред! Мало нам переживаний, что ли? Еще из-за какого-то пьяницы...

АНДРЕЙ *(перебивает ее)*: А ты! А ты, вообще!... Ты, вообще, если не можешь пьющему... пьющему человеку помочь, то хотя бы не мешай! Я сейчас не с тобой говорю!

ОЛЯ: Мама! Как он смеет! *(Андрею)*: Да как ты разговариваешь со мной? Что ты о себе возомнил?

АНДРЕЙ: Я не зам..не вазм... Я не мнил!

ОЛЯ: Я тебя здесь жду, мы уже и в милицию, и в скорую звонить хотели! Ты приходишь в таком виде и устраиваешь мне сцены?! Да что ты есть такое?

АНДРЕЙ: Ты сама сказала – я твой рыцарь.

ОЛЯ *(Рите)*: Мама, посмотри-ка на этого рыцаря! *(Андрею)*: Ты же сейчас под стол скатишься

АНДРЕЙ (*Рите*): Не... Это меня тяжелые доспехи вниз тянут.

РИТА: Ну, правда, Андрей, как-то вы не очень... Да в таком виде!. Олечка плакала. Хотела вашей маме звонить...

ОЛЯ: Мама! Замолчи! Нужно больно звонить! (*Подбегая к Андрею, кричит ему прямо в лицо*): Мне просто непонятно, как можно так со мной поступить! Как можно так издеваться! Как можно думать только о себе!

Андрей поднимает голову и пытается слушать ее внимательно.

ОЛЯ: Ты знал, что я жду! Мы хотели куда-нибудь пойти вместе!

Андрей улыбается

ОЛЯ (*гневно*): Что ты улыбаешься?

АНДРЕЙ: Хотели. На кладбище. С тобой.

ОЛЯ (*хватаясь за голову, чуть ли не воеет. Андрей во время ее реплики согласно кивает головой*): О, Боже! Самое святое! Самое светлое! Из этого поганого рта! Я доверилась ему, я ему поверила! А он! А ты!... Ты все изгадил! На святое! На самое сокровенное! Я тебе этого никогда не прощу! Никогда, нет!

АНДРЕЙ: Нет?... Ну, тогда выпить дай!

ОЛЯ (*удивленно*): Это что, так бывает?! Ты слышишь, что я тебе говорю? (*Хватает его за плечи и начинает трясти*): Ты слышишь, о чем я?! Ты, вообще-то, хоть что-нибудь понимаешь?!!

Андрей отворачивается от нее, но без сопротивления.

ОЛЯ: Ты меня слышишь?! Ты меня слышишь?! (*Оборачиваясь к Рите*): Мама! Mamочка! Как же это?

Рита подбегает к Оле, обнимает ее и гладит по голове, успокаивая. Оля заходится в рыданиях на плече у матери.

РИТА: Ну, успокойся, доченька, ну что ж ты так... Успокойся, прости его, он не со зла, наверное

ОЛЯ: Не со зла?! Разве можно говорить такие вещи не со зла?! Он хочет.. Он просто хочет угробить меня, потому что понимает, что не умеет любить! (*снова поворачиваясь к Андрею*): Ты не умеешь любить и чувствовать, как я, поэтому ты ранишь меня и ранишь больно. И это невыносимо!!!! Ты – черствое бревно!

АНДРЕЙ (*многозначительно, с пьяной усмешкой*): Это я бревно?

ОЛЯ: Я хотела найти в тебе опору, а ты, видя, как я страдаю и мучаюсь, только воспользовался моей слабостью!

АНДРЕЙ (*утвердительно*): Я воспользовался.

ОЛЯ: Я уже отдала тебе все самое сокровенное, что у меня было, не оставив себе ничего взамен!

АНДРЕЙ (*напрягаясь, чтобы понять*): Не может быть! У тебя там много было. И водка даже.

ОЛЯ: Мужлан! Я подарила тебе свою девственность!!!

Оля вырывается из объятий матери и бежит к шкафу. Достает бутылку водки и держит ее в руке.

АНДРЕЙ: А на хрена она мне? И кому я теперь нужен

с этой твоей две... девз... дверь-за... дерзостью?

ОЛЯ: Да как ты смеешь?! Я берегла себя ради любимого человека! Я еще не отошла от своей потери! Я принесла себя в жертву ради нашей разгорающейся любви!!! Мне столько пришлось!...

АНДРЕЙ *(сначала иронично, потом, напрягшись, говорит почти связно)*: Ой-ой-ой! В жертву она принесла! А зачем? Кто от тебя просил таких жертв? А? Я просил? *(показывая на Риту)*: Она просила? *(берет со стола какой-то столовый предмет)*: Может быть он просил? А? Никто не просил! И мне ничего не надо было, ясно? Я, вообще, ничего не хотел! И ты тоже! Ты просто поняла, что твои бредни про любовь больше никто не будет слушать, и решила использовать меня. И не нужна ты никому со своей придуманной любовью! И вообще ты никому не нужна, и никого не любила! Ни меня, ни этого своего!

ОЛЯ *(Рите, шепотом в ужасе)*: Мама!

Рита хватается за сердце.

АНДРЕЙ: Ни мать, ни-ко-го! Ты любила только свои идеи, которые сама же и сочинила. А, я понял! Ты – шизофреничка. Твои истерики и слезы – это все... это... *(не находя подходящего слова, машет рукой)*. Да и что тут говорить, если...

ОЛЯ: Что ты знаешь о любви? Ты никогда не любил!!! Ты и меня никогда не любил!

АНДРЕЙ: Ну вот. Сама и сказала.

РИТА: Да что же это? Хватит уже!

ОЛЯ: Нет, мама, пусть говорит!

АНДРЕЙ: Говорить? А что говорить? Я тебя не любил. Никогда. Я любил свою жену. А теперь у меня нет жены. И мне некого любить.

РИТА: Батюшки!

ОЛЯ (*начиная бесцельно метаться*): Изверг! Изверг! Я не вынесу! (*всхлипывая в голос*): Я не вынесу этого! Господи, помоги мне!

Продолжая метаться с бутылкой, на какое-то мгновение задерживается возле шкафа, проводит быстро некоторую манипуляцию, скрытую от зрителей. Не видно, что именно она делает, но похоже, что откупорив бутылку, она наливает из нее в стакан водки и задерживается еще на несколько мгновений.

РИТА (*подходит к Андрею, она тоже готова разрыдаться*): Как же это? Что же это? Зачем же вы так с ней, Андрюша?

АНДРЕЙ: Простите меня.

ОЛЯ (*подходит к ним с наполненным стаканом*): Мама, скажи ему, я не вынесу, мама! Скажи, пусть он уходит! (*ставит стакан на стол. Обращается к Андрею*): Как я ошиблась! Ты сломал нам жизнь. Без тебя было спокойно и привычно. Теперь все разрушено, потоптано, выжжено. Теперь не осталось ничего (*Безжизненно падает на стул рядом с ним*). Если я и грустила, то это была светлая грусть, это

была память, светлая и святая! Мы жили так, как мы хотели. И никому не мешали! А ты пришел и сломал нашу жизнь.

АНДРЕЙ (*устало*): Ухожу, ухожу. Вот и сказали друг другу все, что хотели. (*Тянется за стаканом, при этом Оля с готовностью двигается, чтобы ему было удобнее*). (Рита): Вы извините меня. Я знаю, что недостойн называться порядочным человеком, которым вы меня считали. (*Делает несколько больших глотков и тут же начинает задыхаться*)

РИТА (*испуганно поворачивается к нему*): Ай! Водички надо! (*убегает за водой*)

Оля продолжает сидеть, наблюдая за корчащимся Андреем. Возвращается Рита с водой. Оля встает ей навстречу, медленно забирает стакан у нее из рук.

ОЛЯ: Я сама.

Оля так же медленно двигаясь, подходит к Андрею со стаканом воды в руке и молча встречается с ним взглядом. Он пытается поднять руку за водой, но она не делает ни малейшего движения в его сторону.

РИТА (*продолжая суетиться*): Скорую надо! Ему же плохо!

ОЛЯ: Не надо скорую, мама!

РИТА (*останавливаясь и замирая, до нее медленно доходят слова дочери*): Как это «не надо»? Что это ты говоришь?

Андрей делает рывок, чтобы встать, валится на пол и замирает. Обе женщины несколько секунд молча стоят над ним, не сводя глаз. Рита смотрит с ужасом и страхом,

Оля – внимательно.

ОЛЯ (с гробовой мрачностью): Ну, все. Теперь можно скорую, мама...

РИТА (кидаясь обнять дочь, надрывно кричит): Доченька моя! Олечка! За что же тебе все это?! Да за что же??!

Занавес

Конец пьесы.

СПАСИБО ГРАФИНЕ

Пьеса в двух действиях (все персонажи в ней реальны, хоть их имена и поступки вымышлены)

Действующие лица

Софья, интеллигентная женщина средних лет

Оксана, ее соседка

Борис, приятель Оксаны

Олег, постоялец

Действие происходит в наши дни в одном из провинциальных городов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Просторная комната в современной квартире: диван, телевизор, обеденный стол и прочие необходимые атрибуты приличной обстановки.

Некоторое время на сцене никого нет. Потом раздаются настойчивые звонки в дверь и после паузы звук открываемого замка. С ключами в руках появляется взволнованная Оксана.

ОКСАНА (*озираясь*): Сонь, ты дома?! Ушла, что ли?! Нету тебя? (*Убедившись, что никого нет, начинает нервно ходить по комнате, потом что-то бормочет, будто продолжая начатый ранее диалог*): Ну, козел, блин! Урод! (*продолжает возбужденно ходить из стороны в сторону, вертя в пальцах ключи*). Нет, он, видите ли, разуверился! Да я сама первая разуверилась в этом оборотне! Будет тут мне еще! А я в прокуратуру напишу! И в этот, как его... В телевиденье! Подумаешь, нашелся тут незаменимый. Я таких козлов кобелиных пачками отшивала! И отшивать буду! Гнать его на хрен, пусть катится к едрене фене!

Появляется Софья в верхней одежде. Она вернулась домой, спокойно встает в дверях, постепенно раздевается

и наблюдает за метущейся Оксаной.

ОКСАНА (*не замечая Софьи*): Возомнил о себе невесть что, а сам-то. Не то что полезное, даже бесполезного не делает, лентяй безрукий. Толку ноль, а нервы все пощипал, не дай Бог!

СОФЬЯ (*понимающе*): Поругались. Из-за чего на этот раз?

ОКСАНА: Ох! Пришла, что ли? Я тебя и не видела! Посижу у тебя, пока этот псих не успокоится.

СОФЬЯ (*с улыбкой*): Да сиди уж, не в первый раз, да и не в последний. Только он все равно знает, что ты у меня.

ОКСАНА: Знает-то знает, но ключа ведь у него нету! Ты, главное, дверь не открывай. А то и тебе достанется.

СОФЬЯ (*смеясь*): Мне не достанется, не переживай. А вот тебе уже пора разобраться в ваших отношениях. (*Достает чашки, потихонечку накрывает стол. В процессе разговора усаживаются пить кофе*). Вот мы сейчас посидим спокойно и все обсудим. Расскажешь не спеша за чашечкой кофе, сама и разберешься – что у вас за любовь такая зарождается.

ОКСАНА: Да уж спасибо тебе. Я же по-соседски понимаю как тебе, наверное, наши вопли надоели. А что делать? Эта же скотина по-другому и разговаривать не умеет. Или орет как ишак резаный, или, если довольный, ржет как петух на насесте.

СОФЬЯ (*смеется*): Как же, интересно, петухи ржут на насесте?

ОКСАНА: Да не придирайся ты к словам. Вот как он ржет, так и петухи ржут, что не слышала никогда?

СОФЬЯ: Ржанья петухов? Нет.

ОКСАНА: Да ну его к лешему! Хоть пять минут с тобой в покое кофе попить дай. И не буду я про него даже говорить ничего, много чести для этого уroda. Вот сейчас, например, я ему вчера говорю, когда он начал инструменты перевозить: в шкафу места нет, куда ты свои железки суешь? А он мне: им на улице в гараже храниться нельзя, там что-то такое электрическое намокнет. Ну а мне-то что? Я что должна его электросхемы по своим лифчикам заворачивать, чтоб не отсырели? А сегодня лезу на полку, так там его хлама больше, чем моих бигудей, и все мне на голову сыпется. И как вот с человеком разговаривать после этого? Ну я и швырнула ему в его упрямую башку весь этот мусор. Он еще, гад, так спокойно сначала специально, чтоб меня позлить спрашивает (*передразнивает*): и что я такого сделал, что ты взбесилась? А я ему: ты видишь, места нет? Не надо впихивать в этот шкаф невпихуемое! Я дверцу открыть не могу, чтоб мне что-нибудь на голову не упало! Так он говорит: выброси свое шмотье, а то ходишь как шалава распутная, стыдно с тобой рядом стоять. Это я-то шалава, Сонь? Представляешь? Он уже забыл, что ли, свою бывшую, вот уж кто шалава, так точно она. И вечно под мухой еще! Это она его спаивала, наверняка, специально. Кто же с ней трезвым-то сойдется, со страху ведь окочуришься!. А потом, главное, добавляет

так, по-умному: я уже разуверился, что в этом доме для меня вообще где-нибудь найдется место.

СОФЬЯ: Так ты, значит, из-за места в шкафу на него так набросилась?

ОКСАНА: Да при чем тут место в шкафу?! Он еще ко мне не перебрался, а уже все вверх дном встало! Я когда с Витькой жила, разве тот так себя вел?

СОФЬЯ (*с улыбкой*): Да он еще похлеще был, вспомни!

ОКСАНА: Ничего не похлеще, напьется и спит себе спокойно, только храпел, зараза. Днем храпел, а ночью хотел, больше и не делал ничего, сволочь. Два недостатка и ни одного достоинства! Хотел и храпел, храпел и хотел...

СОФЬЯ: Ужасно! Как можно мириться с такими недостатками? Интересно, а какой из них ты считаешь бОльшим?

ОКСАНА: А какая разница? Что храпит, что хочет, – все равно не выспишься!

Софья хохочет

ОКСАНА: Смешно тебе! Ты сама попробуй, это ж круглые сутки продолжалось, а мне на работу с утра, я ж работала, а не он. Таскала ему только пожрать целыми сумками и готовила. Где уж он выпивку брал, – не знаю. Пойдет с утра работу искать и к обеду уже тепленький приходит, бац, – и храпеть. Не-е, с Витьком тоже несладко было. А жрал как, а? Целую бадью щей сварю, а назавтра нет ничего. Когда успевал только? Алкаши ведь столько не едят вроде. Да, Сонь?

СОФЬЯ: Не знаю я.

ОКСАНА: И, главное, говорит, я ем мало, я пощусь. Ага, постился он! Пятнадцать минут после каждого обеда!

СОФЬЯ: Ну так тебе не угодишь! Один храпит и не работает, другой работает и железочки хранит, а тебе все не нравится.

ОКСАНА: Эх, Сонька! Я ж понимаю все. Так ведь хочется же, чтоб все как у людей, чтоб любовь, нежность там, забота всякая. Ты вот всю жизнь одна живешь, ты этого не знаешь, уже и мечтать перестала. А я ведь и без мужика не могу, и тебе иной раз позавидую. Пришла домой, и сама себе хозяйка. Хочешь телевизор смотри, хочешь, на свиданку иди, никто тебе слова не скажет. Вот одна живешь, а все равно и не грустишь вроде никогда.

Софья задумчиво улыбается, пожимая плечами

ОКСАНА: А если что, – я ж тут рядом, я тебе грустить не дам.

СОФЬЯ: Это я вижу.

ОКСАНА: Мы вот с тобой в парк гулять пойдем. Там, между прочим, одинокие мужики попадают: кто на пробежке, кто собак выгуливает.

СОФЬЯ: Спасибо за приглашение, только я что-то не очень знакомиться готова. Я уж лучше как-нибудь так, одной привычнее.

ОКСАНА: Дура ты, Сонь! Нельзя такой хозяйке и умнице одной. Все равно когда-то надо личную жизнь начинать.

СОФЬЯ (*задумчиво*): Нет, Оксаночка! Немолодая я для этого, да и желания нет. Вот сын пишет, что у него работа интересная, дел очень много, тоже не до личной жизни, вот ему бы пару... А там, Бог даст, внуки пойдут, им пригожусь. Не хочу ничего в жизни менять, налюбилась уже.

ОКСАНА: Не знаю, права ли ты или нет. Я, вот говорю тебе, одна не смогла бы жить. Мне без мужика скучно делается. А детей заводить сама боюсь, я ж не дура совсем, понимаю, что ребенка вырастить надо. Ох, да и рожать-то не от кого. От козлов не хочется, а нормальные что-то не торопятся со мной семью заводить, порасхватали их всех уже. (*Вздыхает*) Так и ждешь принца сказочного, а надежда все уходит и уходит. Мне ведь тридцатник-то уже давно пробил, а опоры так и не обрела.

СОФЬЯ: А ты не надейся ни на какую опору, живи сама. Пока будешь надежную опору искать, ничего не сложится. Захочешь от любимого родить – рожай, вырастить сумеешь, там все один к одному сложится. Я вот никогда не сомневалась, что сына рожу. Любила просто сильно.

ОКСАНА: А что ж замуж-то не вышла? Расскажи-ка мне про отца его, а то ведь так и не узнаю ничего. Никогда не расскажешь ведь. Работала с ним, да?

СОФЬЯ: Не рассказывала, потому что и рассказывать нечего. То, что он женат был, ты знаешь. Приезжал к нам сюда в командировку системы управления автоматизировать. Жил в гостинице каждый месяц по неделе. На работе мы

с ним и пересеклись, я тогда ему технические задачи готовила, долго сидели, до ночи. Потом он меня провожал, а потом у меня же и оставаться стал. У него контракт через год закончился. Ему уезжать, а я беременная. Ну, он и уехал, а потом звонил каждый день, скучал очень. Сначала решила – не буду ему про беременность говорить, потом не выдержала, рассказала, так он сорвался, приехал. Не волнуйся, говорит, мы все решим, я к тебе перееду, распишемся, ты только держись...

Софья замолкает, видно, что воспоминания даются ее болезненно. Оксана внимательно слушает, в паузе кладет свою руку на руку Софьи, молча и сочувствующе ожидает продолжения.

СОФЬЯ: Не захотела я. Там ребенок, девочке пять лет, хорошенькая такая, Верочкой зовут. Очень красивая девочка, на отца похожа, он мне фотографии показывал. Жена с большим сердцем. Испугалась я.

ОКСАНА: Чего испугалась-то? Жены?

СОФЬЯ: Нет, конечно! Гнева Божьего или, как это сказать, судьбу чужую порушить...

ОКСАНА: Ох, и глупая же ты, Сонь, ну, чесс-слово! Гнева она испугалась! Бог он такие вещи допускает, а ты от своего счастья отказалась!

СОФЬЯ: Не отказалась, Оксан! Я вот Владика родила. А про Бога нельзя так. Я хоть и не очень понимаю, но сердцем чувствую, не Господь допускает, а люди. Бог все дает,

что не попросишь. А вот брать или не брать – это человек для себя сам решает. Я уверена, что все правильно пошло. Не зря говорят, на чужом несчастье своего счастья не выстроишь.

ОКСАНА: Ну а он-то что? Он-то ведь хотел с тобой остаться?

СОФЬЯ: Хотел. Очень хотел. Переживал страшно. Даже с женой объяснился. Сказал, что уходит. Она у него умница, молодец. Скандалов устраивать не стала. Всплакнула так, говорит, если там тебе лучше, то иди туда. Если будет хуже, то возвращайся, мы тебя любим.

ОКСАНА: Во дурра!

СОФЬЯ: Нет, Оксаночка! Не дура она. Я по этим словам поняла, что он им нужен. А я не имею права. Нельзя тому, кто в очереди последний стоит, всех локтями распихивать. Она была первая, у нее и права все. (*Задумчиво*): Prior in tempore, patrior in iure.

ОКСАНА: Это ты что сейчас сказала?

СОФЬЯ: Это принцип римского права такой: первый по времени имеет преимущественные права.

ОКСАНА: Глупости это все! Все это ваше римское право! Не в Риме живем, слава Богу! Да и не древнее время на дворе, третье тысячелетие, как – никак. Идет к тебе в руки, так бери, а будешь хлопать, так ни с чем и останешься. Это уж я точно знаю! Это наше, тутошнее право, и оно так работает.

СОФЬЯ: Нет, не получается так. Все в мире взаимосвязано. Да я и не грущу, что так вышло. У меня сын от него, я

считаю, что правильно поступила. И мы все счастливы.

ОКСАНА: А он-то что? Как же он-то согласился?

СОФЬЯ: А я ему сказала, что ребеночка не будет, чтоб не переживал, а возвращался в семью.

ОКСАНА: Обманула, значит?

СОФЬЯ: Ну, да.

ОКСАНА: Ага, только не там где надо! Все нормальные бабы врут, что беременные, чтобы мужика отхватить, а ты прямо блаженная какая-то, взяла и все наоборот сделала!

СОФЬЯ (*улыбается*): Где ж это ты таких нормальных врущих баб наблюдала?

ОКСАНА: Да везде! А что ты думала, все будут правду говорить? Да не бывает такого, мужики иначе вообще не женятся! А ты чокнутая точно, ну просто по всей голове! Жили бы сейчас себе припеваючи с мужем и сыном, и плевать хотели на всё.

СОФЬЯ: Не говори так, Оксан, ты здесь многого не уловила. Во-первых, неизвестно, как бы и кто жил. А, во-вторых, хитростью и обманом никогда ничего путного не построишь.

ОКСАНА: Нет, родная моя! Я тут буду спорить до посинения! Именно с хитростью и построишь: и на работу устроишься, и мужика словишь, и деньгу сшибешь. Тогда только счастье заработаешь.

СОФЬЯ: Заработаешь, только вряд ли счастье, так, видимость одну. А покой в душе, радость и удовлетворение только через светлый путь достигаются. Нельзя всю жизнь в бо-

своей стойке стоять, мышцы не выдержат. Только это еще не все. Есть и высшие силы, которые нам показывают: взял чужое, так убедись, что тебе от этого только хуже. Многие из твоих «нормальных баб» довольны семейной жизнью?

ОКСАНА: Тыфу, да что ты такое говоришь?! Сейчас мужики такие, что от них никакой пользы в хозяйстве, только вред один. Все они, блин, а-а-а... даже говорить не хочу.

СОФЬЯ: Ну, вот тебе и ответ. Не мужики такие, а выбираем так. Хватаем чужое, а потом еще и недовольны. Терпения нет у женщин. И любви тоже. Когда любишь, плохого не пожелаешь. И прощать надо уметь, и поступиться чем-нибудь иногда.

ОКСАНА: Что это я буду поступаться? Я что, этому козлу все прощать должна? Нет, ты скажи, Сонь, я что – не права?

СОФЬЯ: А какая разница, Оксан? С любимыми людьми не всегда стоит быть правыми. Разве это важно?

ОКСАНА: Как это – «неважно»? Ничего себе заявочки! Ему, значит, все можно, и орать, и кулаками махать. Он, между прочим, в моей квартире живет, пусть знает свое место.

СОФЬЯ: Да какое место? Он же человек, мужчина! А ты ему как собачке место указываешь!

ОКСАНА: Собачке, это точно! Только не собачка он, а кобель вонючий!

Раздается звонок в дверь.

ОКСАНА: Вот! Точно – кобель! Пронюхал уже, где я.

За мной, небось, пришел.

Софья идет открывать дверь. За сценой голос Бориса.

БОРИС: Привет, графиня! Как жизнь твоя молодая, беззаботная? Чучундра моя, небось, у тебя прячется?

Софья возвращается вместе с Борисом, мужчиной слегка помятым и небритым. Оксана демонстративно отворачивается в сторону.

СОФЬЯ: Попьешь кофе с нами?

БОРИС: Что ты мне кофе предлагаешь? От него ни уму, ни сердцу радости. (*Оксане, стараясь быть нежным*): Пошли домой, коза! Хватит графиню напрягать, я с тобой поговорить хочу, по-мужски, дома!

ОКСАНА: Знаю я как ты разговариваешь... У меня еще тот синяк не сошел...

БОРИС: Пошли, сказал!

ОКСАНА: Сам иди!

БОРИС: Ладно, пошли, не трону, если орать не будешь.

ОКСАНА: А я и не ору, только вещи свои не разбрасывай, не в хлеву живешь! Я, Сонь, об его тапки, которые возле дивана живут, палец на ноге сломала. Вот третий день уже болит. И как только так можно все...

БОРИС (*строго*): Опять завелась?!

ОКСАНА: Да ничего я не завелась! (*хнычет*): Мне ж тоже покоя хочется, чтоб нормально, чтоб как у людей, муж любимый, в доме порядок.

БОРИС: Ты мозги свои сначала в порядок приведи, ду-

ра. *(Неожиданно резко повышает голос так, что и Оксана, и Софья вздрагивают)*: А ну, пошла домой, говорю!!!

Оксана вздыхает, медленно встает и, демонстрируя всем своим видом неудовольствие от вынужденного подчинения, очень медленно удаляется в сторону входной двери.

БОРИС: Ты, графинь, не ругайся на нас. Эта ж не соображает, что соседям покой нужен, ей бы лишь представление устроить. А ты наша зрительша, вот она и бегаёт к тебе всю дорогу. Забрала бы ты у неё ключи свои, что ли.

СОФЬЯ: Зачем? Пусть будут, и ей спокойнее, да и тебе, может, тоже. Иногда прибежит, выплачется.

БОРИС: Выплачется! Чего ей плакать-то? Что я ей плохого делаю?

СОФЬЯ: Борь, ну ты б хоть руку не поднимал на нее, а?

БОРИС: Я?! Я что, руку поднимал? Я ей один раз всего кулак показал, когда она меня в гараж к мужикам не пускала. В стойку боевую встала перед дверью и начала руками махать. Ну и пару раз она сама приложилась, руками-то когда машут и прыгают, можно и мебель повредить, не только синяк поставить. Так я ее скручу, а она ведь вырывается, дрянь. Я ж ее пальцем ни разу не тронул! А она меня как дубасит, ты видела? Вот, смотри здесь *(хочет закатать рукав.)*

СОФЬЯ: Ладно уж, идите, миритесь. Не ссорились бы уже... Взрослые люди, вроде бы...

БОРИС: Ты мне, графиня, почитать дай что-нибудь. А то я этого твоего рифмоплета...уже заканчиваю. Там пара ли-

стов осталась. Вечером дочитаю, новую начну.

СОФЬЯ: И как, понравилось?

БОРИС: Да чему там нравиться – стихами всю дорогу говорят. Там, где нормально говорят, там нравится. Вот про женщин там смешно написано, типа, я же не могу молчать, раз я женщина. Коль одна мысль бабе в голову забрела, так она ее и говорит обязательно. Это точно, я тоже заметил, это вы все такие.

СОФЬЯ: Да, у Шекспира много таких выражений, он поэтому и не устаревает! А что бы ты теперь почитать хотел?

БОРИС: Ну только не в стихах! Нормальное дай, где разговаривают. Вон, что у тебя за книжка там, на диване валяется?

СОФЬЯ: Тебе наверняка понравится (*дает ему книгу*) Читал такую?

БОРИС (*глубокомысленно*): Ну, слышал, конечно, ладно, возьму пока. Не скучай, графиня! (*Уходит*).

Картина вторая

Квартира Софьи. Софья сидит за столом и пишет. Раздается звонок в дверь, Софья встает и идет открывать. Это пришла Оксана. Она выглядит похорошевшей, аккуратной, но немного грустной; одета в новый костюм.

СОФЬЯ: Долго ты не заходила. Хорошо выглядишь очень. Я не видела раньше этого костюма.

ОКСАНА (*рассеянно*): А-а, ну да, Борька мне купил.

СОФЬЯ: Вот и молодец! Очень идет тебе. А что грустная такая?

ОКСАНА: Да вот посоветоваться зашла, Сонь. Ты же умная у нас, и знаешь все.

СОФЬЯ: Ну, присядь тогда, посоветуемся.

ОКСАНА: А ты что тут делаешь? Опять работу на дом взяла?

СОФЬЯ: А что остается? Времени дома много, почему бы и не взять, если такая необходимость возникает.

ОКСАНА: Фу, необходимость! Какая может возникнуть дома необходимость в работе? Делать тебе нечего, вот что я скажу. Была бы не одна, так и думать бы забыла о своей работе. Щи бы вон варила целый день, да мужика кормила бы... Вот и радовалась бы!

СОФЬЯ (*с улыбкой*): Вот уж радости-то!

ОКСАНА: Да ты на меня не смотри! У меня опять все кувырком идет. И ругаться вроде бы меньше стали, а все не так...

СОФЬЯ: Что же тебе не так на этот раз?

ОКСАНА: Я, Сонь, даже и не знаю, как жить. Дома у нас сейчас тихо, спокойно. Да вот не так все. Я Борьке слово дала, что как только я с ним спорить начну, сразу в глаз получаю. Так что я теперь молчу целый день как статуя фараона в саркофаге и слова не могу сказать. Три дня уже молчу, сил моих нет. Ему-то, конечно, – лафа! Хочешь футбол

смотреть, – пожалуйста, хочешь на рыбалку идти, – да ради Бога! Нравится ему, он себя хозяином сразу почувствовал, ходит царьком таким и командует. Вот сегодня говорит: молодец, хорошо испытание выдержала, пойдем тебе с аванса костюмчик купим, вот купили. (*Оживляясь*): Нравится тебе, да?

СОФЬЯ: Тебе идет.

ОКСАНА: А только скучно нам, и мне, и ему, я так чувствую.

СОФЬЯ: Отчего же скучно? Займитесь чем-нибудь веселым вместе.

ОКСАНА: Чем заняться, Сонь? Он на меня смотрит и ждет, когда я сорвусь, я же вижу. Мы такие, понимаешь? Нам бы чего-то яростного такого, гремучего. А так со скуки подохнуть можно. Что одна, что с ним, – никакой разницы... Да я бы одна уже давно свалила бы куда-нибудь, неужели дома сидеть. А тут паси его, как стадо бизонов, еще бы на этой... как ее... валторне, что ли... играть, так точно деревенская акварель нарисовывается! (*Софья смеется*). Да что смеешься-то, Сонь, ну ты меня совсем не понимаешь, что ли? Я с тобой вполне серьезно разговариваю!

СОФЬЯ: Извини, Оксан. Я просто представила деревенский пейзаж, который ты мне изобразила: ты в своем новом костюме сидишь под раскидистым деревом и играешь на валторне. Хотя я предполагаю, что для нарисованного тобой пейзажа больше, конечно, волынка подходит. А вокруг

мирно пасется стадо бизонов и у каждого – Борькино лицо. (*Хохочет*). Конечно, картина ужасная!

ОКСАНА: Дура ты, Сонь, хоть и умная вся! А вот когда я стояла во главе руля, у нас, между прочим, такого безобразия не присутствовало!

СОФЬЯ (*стараясь скрыть улыбку*): Ты не привыкла еще к тишине и покою, и я согласна, что это, скорее всего, не твое. Ну, так развеселиться же не только бытовыми сценами можно. А вы в кино на боевик сходите, или, например, на ужасы.

ОКСАНА (*перебивая*): Какие еще ужасы в кино? Мне вот здесь (*стучит себя в грудь*) надо, в душе чтобы горело, чтобы из себя выходило, – тогда – жизнь! А в кино чего я не видела? Ну, схожу я на эти твои ужасы, ну пожрали там мертвецы честных добрых космонавтов, и что? Мне-то что за радость?

СОФЬЯ: А какую ты ищешь радость в том, что вы друг в друга тапочки бросаете?

ОКСАНА (*воодушевляясь*): А-а, это ты слышала тогда, через стенку, что ли?

СОФЬЯ: Да не только я, все соседи, наверное, слушали. Вы же по ночам любите концерты закатывать. Хочешь – не хочешь, услышишь. Зато тебе потом приятно было, да? После того скандала сразу умиротворение на душе, верно?

ОКСАНА: Ну и что? Ну, и да! Мы потом полдня не ругались.

СОФЬЯ: Ага, потому что не разговаривали друг с другом!

ОКСАНА: Я тебе, соседка, вот что скажу. Костюм у меня теперь есть, можно Борьку и выгонять!

СОФЬЯ: За что?

ОКСАНА: А за то! Так просто. Ну типа, временно... Пусть помучается!

СОФЬЯ: Да выгнать-то недолго, тебе что от этого?

ОКСАНА: Пусть пострадает. А я себе пока другого найду.

СОФЬЯ: Оксан, а ты подумай хорошенько! Ты ведь это для себя делаешь. И страдать ты будешь, а не он. Ну он, может, тоже поначалу пострадает, только тебе от этого веселья не прибавится.

ОКСАНА: Почему это не прибавится? Очень даже прибавится! (*Выпрямив спину, говорит мечтательно*): Я вся такая гордая, независимая, красивая! А он несчастный и покинутый, плачет там и мучается.

СОФЬЯ: Насчет того, что он там плачет и мучается, что-то сильно я сомневаюсь. Выпьет с ребятами в гараже, да и расскажет, что ты его, ЕГО не оценила. А у тебя совсем по-другому будет. Два дня ты, конечно, походишь гордая и красивая, а потом прибежишь жаловаться, что одиноко, что ничего не происходит, что не с кем словом, или тапком, перекинуться. Так ведь будет?

ОКСАНА: Не-е-т, Сонечка, нет, подружка! (*заговорщически*): я тут одну вещь придумала, сейчас расскажу. Решила я комнату сдавать.

СОФЬЯ: И кому?

ОКСАНА: Ты слышала, что завод наш набирает специалистов из Москвы? Так на заводе для новых сотрудников будут комнаты снимать. Вот я и хочу какому-нибудь инженеру московскому угол предоставить. И денежкой разживусь, и интеллигента подцеплю столичного!

СОФЬЯ: Оксан, а ты что со столичным интеллигентом делать будешь?

ОКСАНА: А что с ним делать? В кино, например, ходить!

СОФЬЯ: Смотреть, как мертвецы поедают честных космонавтов?

ОКСАНА: Сонь, ну вот как с тобой разговаривать, скажи мне? Я тут перед тобой вся несчастная, сижу, умираю из последних сил, а ты мне что говоришь?

СОФЬЯ: А я тебе говорю то, что понимаю из твоих объяснений. Ты сама посуди, ведь, с одной стороны, тебе хочется фейерверка, накала страстей, а с другой ты призываешь спокойствие и тишину. Ну не бывает так, знаешь ли? Тебе для себя самой определиться надо: или эмоции, без которых тебе не жить, или тихая гавань. Но только ты долго в тихой гавани высидеть не сможешь, уж очень у тебя характер динамичный, непоседливый. Как только ничего не происходит, ты сама что-то придумаешь, где-нибудь негатив найдешь, выкопаешь и раздуешь. Или нет, Оксан? Может быть я и неправа, только внутри ты все это очень хорошо понимаешь, мне кажется, сознаться только боишься. А Борис тебе очень подходит. Посмотри, сколько у него достоинств, он и рукодель-

ный, и веселый. Между прочим, то, что он такой же характер имеет, как у тебя, тоже немаловажно. Кто еще будет такие концерты терпеть? Мало терпеть, надо еще и подыгрывать! Не каждый на это способен. В общем, мне кажется, что вы друг друга любите, и незачем тебе его выгонять. Только любовь у вас какая-то такая, дикая, что ли. А на самом деле вместе вам хорошо. Хорошо же, Оксан? Ну, сознайся! (*тормошит ее*). Правда ведь?

ОКСАНА: Ну что, что правда?

СОФЬЯ: Что вдвоем вам хорошо?

ОКСАНА (*недовольно – скептически*): Конечно, вдвоем хорошо! Иначе на кого бы я одна орала? Сама на себя, что ли?

Софья хохочет

СОФЬЯ: Вот и здорово! И оставь свои идеи, живи, как живется, и наслаждайся. Без истерик.

ОКСАНА: Без истерик... Ладно уж, попробую. А костюм, правда, тебе нравится, скажи?

СОФЬЯ: Очень.

ОКСАНА (*гордо*): Недешевый, между прочим, Борька пол-аванса отвалил за него. Это он меня дрессирует так. Типа я обезьянка в цирке, а он мне сахарку дает.

СОФЬЯ (*смеясь*): Так ты такие трюки делаешь, просто чудеса!

ОКСАНА: Какие такие трюки?

СОФЬЯ: Молчишь же три дня, вот и заслужила!

ОКСАНА: Да ну тебя, вечно ты со своими шутками! Такой настрой был, я уже себе все в лучших красках нарисовала, а ты взяла и все испортила.

СОФЬЯ: И что же я тебе испортила?

ОКСАНА: Да все! Я такого мужика уже приглядела, чтоб комнату ему сдавать, а ты меня отговариваешь.

СОФЬЯ: Где же ты его приглядеть успела?

ОКСАНА: Ну, говорю, на заводе же у нас! Первая-то партия специалистов к нам уже приезжала. Сейчас оформятся, – и на работу начнут здесь ходить. А этот – инженер, он к нам в цех приходил, видный такой. Без кольца! Свободный, видать, совсем, ну как трусы без резинки! С ним еще двое новых, ну те хоть и помоложе, зато не такие важные. Он у них самый главный там. Вот я про него и подумала, чтобы про комнату...

СОФЬЯ: Авантюристка ты, Оксанка!

ОКСАНА: Да ничего подобного! Я его все равно допеку! С Борькой, или нет, там видно будет! Ой, (*испуганно прикрывает рот руками*), ты только молчи, слышишь? А то мой-то из меня труп сделает и так прям в новом костюмчике и закопает.

СОФЬЯ: И совершенно справедливо!

Длительная пауза, во время которой Оксана пристально смотрит на Софью.

СОФЬЯ: Что тебе опять пришло в голову, непоседа ты моя?

ОКСАНА (*безразличным тоном*): Сонь, тебе-то как живется? Ничего ты про себя не рассказываешь... Нечего рассказывать, что ли?

СОФЬЯ: Ну почему нечего? Вот сын звонил, все у него в порядке, друзей много, сессию сдают. Может, приедет на каникулы, если с ребятами не решат поработать остаться.

ОКСАНА (*медленно, растягивая слова*): Понятно, скорей всего, не приедет. Да что ему ехать-то сюда, в глухомань? Там – столица, жизнь кипит, а здесь что? Скукота и серость. Грустно здесь жить. А уж кому приходится одному, так и во все повесишься.

СОФЬЯ (*пряча улыбку*): Ничего, ничего, людям привычным одиночество не мешает.

ОКСАНА (*резко срывается, хватая Софью за руки*): Сонечка, милая, подружка, ну что тебе стоит? Ты возьми жильца-то, и ему хорошо, и тебе не скучно. Будет с кем словом вечером перекинуться.

СОФЬЯ (*удивленно*): Вот это поворот, я даже не ожидала! Я-то зачем?

ОКСАНА (*воодушевляясь все больше и больше*): Что же тут непонятного, я ж за тебя переживаю. Сидишь тут в хрустальном гробике как принцесса это... на горошине, одна-одинешенька, и маешься.

СОФЬЯ: Да с чего ты взяла? И не принцесса, и не в гробике пока, да и не маюсь! И, между прочим, принцесса спала на горошине, а не рассиживалась!

ОКСАНА: Ну скажешь тоже! Как бы она на той горошине уселась?! А? Короче, милая моя, надо тебя жильцом взбодрить!

СОФЬЯ (*весело и иронично*): Ну да, и тебе развлечение по близости.

ОКСАНА (*говорит быстро и возбужденно*): Да я разве о себе? Я же о тебе беспокоюсь! Ты же у меня совсем – совсем одна, ну ладно если я забегу иной раз, а дальше что?

СОФЬЯ: Не переживай, мне тебя вполне хватает.

ОКСАНА: И человеку приятное сделаешь, и деньги зарабатываешь. Сонь, у тебя квартира огромная, три комнаты, ну куда тебе столько места? Сдай ему пока вон Владькину комнату, все равно пустая стоит. Да ты же все равно на работе целый день проводишь, а вечером вместе в гостиной телевизор посмотрите, чаю попьете. У меня двухкомнатная, так я бы и то с ним поместилась. А тебе вообще сам Бог велел! Согласна?

СОФЬЯ: Да я и не задумывалась над этим как-то. Незачем это все.

ОКСАНА: А денег соберешь, Владику потом машину купишь или еще что-нибудь.

СОФЬЯ (*нерешительно*): Не знаю, вроде хватало пока, и не бедствовали. Оксан, мне это не нужно совсем, да и тебе ни к чему, лишнее. Сама подумай, ну совершенно посторонний человек будет здесь жить, зачем? Ты начнешь ему глазки строить, от Бориса еще схлопочешь...

ОКСАНА (*обиженно*): Ну какие глазки? Я, если захочу глазки строить, на работе с ним время найду. А здесь ты будешь хозяйкой... И хорошо, что посторонний, лезть не будет. Дверь закрыла, и спать пошла. (*Начинает пританцовывать*) Ой, какая я умница! Я тебя уговорила, да? Уговорила?

СОФЬЯ: Ну, не знаю я, подумать надо.

ОКСАНА: Да что тут думать?! Думай, – не думай, а я тебе хороший совет даю, слушайся меня, пока не поздно. Я ж тебе ничего плохого, кроме хорошего, не посоветую. Там, между прочим, желающих много комнату сдать. Время упустишь, потом пожалеешь. Вот скажи, скажи честно, плохо тебе одной?

СОФЬЯ: Честно? Плохо – это когда...

ОКСАНА (*поспешно и радостно*): Вот и отлично, что плохо! А я что говорю? Я тебе то же самое и говорю. А если плохо, то надо сделать что?

СОФЬЯ: Что?

ОКСАНА: Чтобы было хорошо! Правильно?

СОФЬЯ: Правильно... Только не чужого же человека пускать.

ОКСАНА: А ты чужого и не пускай, ты сперва познакомься, выпроси все – про семью, про жену, про зарплату, сама, конечно, тоже представься, а потом сразу ипустишь... Ну, ладно, ладно, решишь потом – пускать его или нет. Он, кстати, тоже выбирать будет, ему еще и не всякое место подойдет. Ой, молодец я все-таки!

СОФЬЯ: Да что ты радуешься? Я еще ничего не решила! Мне с сыном надо будет посоветоваться.

ОКСАНА: Ну и советуйся, а я пока на заводе договорюсь. Ты как завтра, целый день работаешь?

СОФЬЯ: Ну, да, как обычно.

ОКСАНА: Вот и отлично! Умница ты, умница я, ах, какие мы умницы с тобой! (*Целует Софью*). Ты мне просто настроение подняла, а то ведь я совсем загрустила!

СОФЬЯ: Чем же я его тебе вот сейчас подняла?

ОКСАНА: Да у меня даже злость на Бориса прошла!

СОФЬЯ: Деятельная ты моя, тебе лишь бы интрижку какую-нибудь затеять! Учти, Оксанка, если ты начнешь приставать здесь к кому-нибудь, тебе не только от Бориса достанется, а еще и от меня!

ОКСАНА: Соо-онь! Ну ты что? Ну ты что, меня не знаешь?

СОФЬЯ: В том-то и дело, что знаю, и хорошо.

ОКСАНА: Я тебя когда-нибудь обманывала?

СОФЬЯ: Нет.

ОКСАНА: Сонь, ну ты же мне как мама или старшая сестра. А вдруг у тебя с ним у самой что-нибудь получится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.